

Анализируя литературные произведения, их восприятие духовной критикой, можно констатировать следующее: писатели, как правило, не изображали ни дьякона как служителя церкви, ни его взаимоотношений с прихожанами. Они рассказывали о нем как о человеке, прежде всего, в обыденной жизни, не затрагивая обычно семейных отношений. Поэтому образы созданных ими дьяконов не показывали общей картины их служения Церкви. Даже высоко оцененные критикой образы Ахиллы Десницына и отца писателя Елпатыевского не раскрыты как церковные служители.

В заключение необходимо отметить, что изучение богатого материала о творчестве писателей в духовной периодике⁶³ расширяет и углубляет восприятие исследователя литературы: церковные критики анализировали произведения с религиозно-нравственной стороны, что не всегда в полной мере учитывается в современном литературоведении.

⁶³ Большим подспорьем в этом служит библиографический указатель: Христианство и новая русская литература / Сост. А. П. Дмитриев, Л. В. Дмитриева. СПб., 2002.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-129-156

© В. А. Лукина, © В. И. Симанков

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОД И. С. ТУРГЕНЕВА: «ДЕЛО СОМОВА» В РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ПЕРИОДИКЕ 1879 ГОДА

4 (16) августа 1879 года И. С. Тургенев получил письмо от своего давнего знакомого Е. Я. Колбасина, находившегося в это время на лечении в немецком курортном городке Наугейме. Письмо Колбасина, к сожалению, не сохранилось, однако до нас дошел ответ писателя. 5 (17) августа 1879 года Тургенев сообщал из Буживаля: «Я получил вчера Ваше письмо с приложенной, действительно потрясающей, корреспонденцией. — Я ее сегодня же перевел — и постараюсь поместить ее в одном из здешних журналов: жалко только то, что ни один из попадающих в Россию журналов — как напр.: „Temps“ — не согласится ее принять, боясь повредить себе. — А именно это было бы желательно. О самом происшествии уже не говорю: это один из симптомов того невозможного, небывалого состояния, в котором находится теперь Россия! — Во всяком случае, очень благодарен за сообщение. <...> Как только выяснится, в каком журнале будет напечатана корреспонденция — я Вам непременно дам знать...».¹

Несколько дней спустя Тургенев получил еще одно письмо от Колбасина (также несохранившееся), из которого следовало, что в их переписке произошла путаница: Тургенев по недосмотру перепутал конверты и отправил Колбасину послание, предназначенное петербургскому приятелю А. В. Топорову. Чтобы исправить неловкую ситуацию, 9 (21) августа Тургенев отправил на имя Колбасина еще одну депешу, в которой вкратце повторил содержание первого (на тот момент не дошедшего до Колбасина) письма: «В моем письме к Вам я Вас благодарил за доставление корреспонденции

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 117, № 4924 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием серии, номера тома и страницы арабскими цифрами). Фрагменты из этого и следующего письма Тургенева к Колбасину сверены и уточнены по автографам (ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 17) в ходе подготовки издания: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 17. Кн. 1 (в печати; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием серии, номера тома римскими и страницы арабскими цифрами). Первое письмо, от 5 (17) августа 1879 года, было отправлено Колбасину лишь 14 (26) августа, после того как оно было возвращено Тургеневу А. В. Топоровым (см. ниже).

(хотя содержание ее ужасно, потрясающе) — и извещал Вас, что я перевел ее немедленно — и намерен поместить ее в журнале — хотя это и не так легко — так как журналы, получаемые в России, как напр.: „*Temps*“, боятся повредить себе». И тут же прибавлял: «Эта корреспонденция явится наверное либо в „XIX-e Siècle“, либо в „*Voltaire*“... Я Вам ее выслал бы в напечатанном виде, но боюсь, что уже Вас не будет в Науегейме» (П, 12-2, 115, № 4921). Дальнейшая переписка с Колбасиным за 1879 год остается неизвестной.

Итак, из процитированных писем мы узнаем, что 4 (16) августа 1879 года Тургенев получил от Колбасина некую «корреспонденцию». Содержание этой корреспонденции столь взволновало писателя, что он не только в самые короткие сроки перевел ее на французский язык, но и ходатайствовал о ее немедленном помещении в одной из ведущих парижских газет. О какой же «корреспонденции» идет речь?

В 1923 году харьковский исследователь А. И. Белецкий впервые опубликовал два упомянутых письма Тургенева² по автографам, предоставленным ему в 1918 году М. С. Федоровым,³ в частном собрании которого находилось немало ценных материалов из семейного архива Колбасина,⁴ и предположил, что присланной корреспонденцией являлась «напечатанная в „*Temps*“ 1879 г., 17 октября (так! — В. Л., В. С.) статья

² См.: Белецкий А. Из материалов для изучения И. С. Тургенева: Письма и заметка из архива Е. Я. Колбасина // Документы по истории литературы и общественности. М.; Пг., 1923. Вып. 2. И. С. Тургенев. С. 33–41. В этой публикации впервые были обнародованы три письма Тургенева к Колбасину за 1879 год (П, 12-2, № 4908, 4921 и 4924), а также список «Сюжетов», составленный писателем предположительно в 1845–1846 годах (ср.: С, I, 415).

³ Митрофан Семенович Федоров (1870–1942), харьковский художник, был женат на Ольге Елисеевне Колбасиной (1882?–1964), дочери Елисея Яковлевича Колбасина и Марии Михайловны Сухомлиной (урожд. Савиновой). У М. С. Федорова и О. Е. Колбасиной родилось трое детей: старший сын Вадим (умер во младенчестве), а также сестры-близнецы Ольга и Наталья. Вскоре после рождения дочерей Федоровы развелись, и Ольга Елисеевна повторно вышла замуж. Вторым ее мужем стал Виктор Михайлович Чернов, лидер партии эсеров, который не только удочерил двух девочек Ольги, рожденных от брака с М. С. Федоровым, но и дал им свое отчество. Подробнее см.: Письма О. Е. Колбасиной-Черновой (1938–1946) / Публ. А. д'Амелия // Русско-итальянский архив. Салерно, 2012. Вып. IX. Т. 1. С. 427–431. Ср. также: Лещенко-Сухомлина Т. Долгое будущее: Воспоминания. М., 1991. С. 432–433.

⁴ Как следует из книги поступлений Рукописного отдела ИРЛИ РАН, 16 августа 1939 года Федоров, перебравшийся из Харькова в Ленинград и проживавший на Васильевском острове (4-я линия, д. 3, кв. 25), продал Пушкинскому Дому небольшой комплекс материалов из архива Колбасина на общую сумму в одну тысячу рублей. Среди этих материалов значатся семь (в действительности шесть) писем Тургенева к Колбасину, в том числе три письма, впервые напечатанные Белецким (см. прим. 2), а также еще три недатированных письма, два из которых относятся к 1860-му, а одно к 1875 году (см.: П, IV, № 963, 997; XIV, № 4122). Седьмым письмом оказалась недатированная записка, адресованная не Елисею, а его старшему брату Дмитрию (см.: П, 13-2, № 6262). Ныне все перечисленные письма составляют единицу хранения: ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 17. Кроме того, одновременно с письмами Тургенева Федоровым были проданы Пушкинскому Дому упоминавшийся список «Сюжетов» (Там же. № 2), а также по одному письму к Колбасину от Некрасова (Там же. Оп. 20. № 18; см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 2000. Т. 15. Кн. 2. С. 125, № 1155), А. Ф. Писемского (ИРЛИ. Р. I. Оп. 22. № 177) и Н. Ф. Щербины (Там же. Оп. 38. № 19). Отметим, что еще одна, остающаяся малоизвестной часть документов из архива братьев Колбасиных была получена Пушкинским Домом в июле 1967 года в дар от Анны Васильевны Филиппченко (1891–1970), дочери Василия Ивановича Сухомлина (1860–1938), приемного сына Колбасина. Среди переданных ею материалов: письмо Тургенева к Колбасину за 1855 год (см.: П, III, № 392) и фотография Тургенева работы Э. Каржа, предположительно выполненная в Париже в октябре 1861 года (ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 408; воспроизведение см.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / Авт.-сост. Н. П. Генералова и др. СПб., 2018, на вклейке между с. 128 и 129); диплом Колбасина об окончании в 1854 году юридического факультета Петербургского университета (ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 537); шесть писем Н. Н. Тютчева к Д. Я. Колбасину, относящиеся ко времени службы последнего в Департаменте уделов в 1861–1862 годах; письмо неизвестной к нему же (Там же. № 538, 539); фотография жены Е. Я. Колбасина (Там же. № 540), а также групповая фотография, на которой запечатлены среди прочих братья Колбасины (Там же. № 544; снимок представляет собой единственное известное до сих пор изображение Д. Я. Колбасина). За сведения об истории этих поступлений приносим благодарность заведующей учетом Рукописного отдела ИРЛИ РАН Л. Д. Зародовой.

„En cellule“ (чувства и переживания революционера в одиночном заключении)», к которой Тургенев написал «небольшое вступление».⁵ Очевидно, имелся в виду мемуарный очерк И. Я. Павловского «В одиночном заключении», опубликованный во французском переводе через посредство и при участии Тургенева, а также с его предисловием (в виде открытого письма к редактору газеты Адриену Эбразу) и анонимным послесловием, также принадлежащим перу Тургенева.⁶ Предположение Белецкого было, однако, опровергнуто уже в первом академическом собрании Г. В. Степановой, комментировавшей письма к Колбасину и справедливо указавшей на то, что очерк Павловского был переведен для «Le Temps» не Тургеневым, а А. Н. Луканиной, к которой писатель обратился с соответствующей просьбой еще в начале мая н. ст. 1879 года (см.: П, 12-2, 470–471, прим. 2 к письму 4924). В то же время исследовательница вынуждена была констатировать: «О какой корреспонденции идет речь — установить не удалось» (П, 12-2, 470). Проблема, как видим, была сформулирована более полувека назад, однако с тех пор дело так и не сдвинулось с места. Посмотрим, нельзя ли сегодня отыскать ключ к указанной загадке?

Еще раз напомним слова из письма Тургенева к Колбасину от 9 (21) августа: «Эта корреспонденция явится наверное либо в „XIX-e Siècle“, либо в „Voltaire“». Тот факт, что Тургенев говорит о готовящейся публикации с полной уверенностью, нисколько не случаен. Не случаен, на наш взгляд, и выбор французских изданий. Обратимся вначале к газете «Le Voltaire». Прежде всего следует отметить, что в этой газете, возникшей годом ранее на месте закрытой «Le Bien public», активно сотрудничал Э. Золя, помещавший в ней свои еженедельные обзоры «Revue dramatique et littéraire». Известно, что Тургенев неоднократно обращался к французскому коллеге с различными просьбами газетно-издательского характера, и потому резонно предположить, что он мог прибегнуть к его услугам и в данном случае.⁷

Обследование номеров «Le Voltaire» за вторую половину августа — сентябрь н. ст. 1879 года не выявило, однако, каких-либо релевантных статей или заметок, где бы освещалось современное положение дел в России и упоминалось о некоем вопиющем, «потрясающем» событии, которое можно было бы соотнести с присылкой Колбасина.

Особняком в обозначенный временной период стоят два номера газеты — от 11 (23) августа и 22 августа (3 сентября) 1879 года, содержащие очередные корреспонденции из цикла «La Vérité sur le nihilisme en Russie» («Правда о нигилизме в России»)⁸. Этот цикл регулярно печатался на страницах «Le Voltaire» за крайне странной подписью «Piotr. Merskoff», в которой имя «Piotr» неизменно сопровождалось точкой.⁹ Ни сам цикл, ни его автор, постоянный (или специальный) русский корреспондент «Le Voltaire», не попадали до сих пор в поле зрения исследователей.¹⁰

⁵ Белецкий А. Из материалов для изучения И. С. Тургенева. С. 37.

⁶ En cellule. Impressions d'un nihiliste / [Par] J. Pavlofsky // Le Temps. 1879. 12 novembre. № 6779. P. 3; 19 novembre. № 6786. P. 3; 25 novembre. № 6792. P. 3 (раздел «Variétés»). Текст предисловия и послесловия Тургенева см.: С, X, 362.

⁷ Об одном из подобных обращений к Золя в декабре 1878 года (в связи с откликом на постановку очередной пьесы П. В. Корвин-Круковского) см.: П, XVI-1, 318, 580–581, прим. 2, 4 к письму 5162 (комм. Н. П. Генераловой). Отметим, что речь идет о следующем фельетоне: Zola E. Revue dramatique et littéraire // Le Voltaire. 1878. 17 décembre. № 165. P. 1. Стоит особо подчеркнуть, что, несмотря на полное отсутствие сведений о публикациях Тургенева в «Le Voltaire», вопрос о его сотрудничестве в этой газете заслуживает дальнейшего изучения.

⁸ Здесь и далее в пределах статьи даты выхода иностранных и русских газет указываются по двум стилям.

⁹ Цикл под названием «Правда о нигилизме в России» вобрал в себя до сорока статей, выходивших на протяжении более полутора лет — с 19 мая н. ст. 1879 года по 26 сентября н. ст. 1880 года. Впоследствии, с сентября н. ст. 1880 года, этот цикл был, по-видимому, преобразован в «Петербургскую хронику» («Chronique de Saint-Petersbourg»), продолжавшую печататься в «Le Voltaire» вплоть до конца ноября н. ст. 1883 года.

¹⁰ Исключением является составленная П. Уоддингтоном аннотированная библиография «И. С. Тургенев во французской печати XIX века», где зафиксированы четыре публикации «Петра Мерзкова» из «Le Voltaire», имеющие отношение к писателю. См.: Waddington P. An annotated bibliography of French writings on I. S. Turgenev, published up to 1900 // New Zealand Slavonic

Очевидно, что «Петр Мерзков» — это псевдоним. Кто бы ни скрывался под этой маской,¹¹ важно подчеркнуть, что ни одна из статей, опубликованных в «Le Voltaire» за подписью «Piotr. Merskoff» в августе–сентябре н. ст. 1879 года, не содержит в себе каких-либо смычек с корреспонденцией, полученной Тургеневым от Колбасина. Иными словами, крайне маловероятно, что Тургенев передал колбасинские материалы в радикальную газету «Le Voltaire», да еще через ее петербургского корреспондента.

Проверим теперь другую парижскую газету, упомянутую писателем, а именно республиканскую газету левого толка «Le XIXe siècle». Здесь в рассматриваемый нами период (вторая половина августа — сентябрь н. ст. 1879 года) обращают на себя внимание прежде всего «Lettres de Russie» («Письма из России»), помещавшиеся под криптонимом «W. B. G.» в качестве постоянной корреспонденции из Петербурга.¹² Хотя за данный период вышло сразу пять «Писем из России»,¹³ все они так же ни единым словом не упоминают о каком-либо «потрясающем» происшествии, которое можно было бы связать с письмами Колбасина, а указание на Петербург как отправную точку корреспонденций «W. B. G.», кажется, и вовсе исключает возможность участия в них Тургенева.

Как и «Le Voltaire», газета «Le XIXe siècle» была изданием совсем не чужим для Тургенева. Более или менее хорошо известны и задокументированы контакты писателя с Э. Абу, главным редактором французского листка и председателем Литературного общества. Личное знакомство двух литераторов относится предположительно к 1861 году, особенно же тесно Тургенев сблизился с Абу в ходе Парижского Международного литературного конгресса 1878 года, куда был приглашен по инициативе французского коллеги.¹⁴ О том, что Тургенев и ранее обращался за содействием к Абу, свидетельствует, например, стихотворение «Крóкет в Виндзоре», прозаический автоперевод которого был помещен в «Le XIXe siècle» 22 августа (3 сентября) 1876 года вместе с развернутым предисловием, принадлежавшим, очевидно, перу главного редактора.¹⁵ Француз-

Journal. 1987. P. 26, 46, 50. Список упоминаний Тургенева в фельетонах «Петра Мерзкова» не ограничивается указанными случаями и может быть легко расширен.

¹¹ Есть веские основания предполагать, что это мог быть П. Д. Боборыкин. Детальная аргументация в пользу этой версии требует отдельного, обстоятельного рассмотрения.

¹² Цикл статей «Письма из России», включавший в себя 133 (!) корреспонденции и выходявший на протяжении более трех лет — с 14 июня н. ст. 1879 года (№ 2731. P. 1) по 11 ноября н. ст. 1882 года (№ 3967. P. 3), никогда не становился предметом изучения. Его автор, укрывшийся за подписью «W. B. G.», достоверно не установлен. Среди многочисленных корреспонденций, напечатанных в «Le XIXe siècle» за подписью «W. B. G.», обращает на себя внимание, в частности, письмо LXVI о смерти и похоронах Достоевского, опубликованное 17 февраля (1 марта) 1881 года (№ 3350. P. 3). Письмо это, выпавшее из поля зрения исследователей, имеет сильные корреляции с анонимной статьей А. С. Суворина (см.: Память Ф. М. Достоевского // Новое время. 1881. 31 янв. № 1770. С. 1). Существуют и другие, не менее примечательные сохождения между «Письмами из России» и материалами из «Нового времени». Все это позволяет осторожно предположить, что за quasi-криптонимом «W. B. G.» мог скрываться А. С. Суворин. Ср. также запись из его дневника за 30 мая (11 июня) 1893 года: «Петипа получила академическую пальму. „Что это?“ — я сказал. Ну, а меня Сарсе хвалил, *наша* печать — не ваша петербургская» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 161). Если Суворин действительно печатался в газете «Le XIXe siècle», тогда становится понятной его дневниковая запись о похвалах ведущего критика французской газеты.

¹³ Под номерами X–XIV: Le XIXe siècle. 1879. 22 août. № 2799. P. [1]; 29 août. № 2806. P. [1]; 5 septembre. № 2813. P. [1]; 17 septembre. № 2825. P. [1–2]; 19 septembre. № 2827. P. [1].

¹⁴ Подробнее об отношении Тургенева и Абу, а также о предполагаемом времени их знакомства см.: Zwiguilsky A. Tourguéniev et Edmond About // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. 1985. № 9. P. 13–20; рус. пер.: Звигильский А. Иван Тургенев и Франция. М., 2008. С. 285–296 (Тургеневские чтения. Вып. 3; пер. с фр. Н. П. Генераловой).

¹⁵ См.: Le Croquet à Windsor («La reine est assise dans sa forêt de Windsor...») // Le XIXe siècle. 1876. 3 septembre. № 1728. P. [1–2]. Авторство перевода впервые установлено П. Уоддингтоном, им же высказано предположение об авторстве редакционного предисловия: Waddington P. Some new light on Turgenev's relations with his French publisher, Pierre-Jules Hetzel // The Slavonic and East European Review. 1977. Vol. 55. № 3. P. 341–342. Эти сведения, как и текст редакционного предисловия, оказались неучтенными в соответствующем томе академического издания: С, XII, 642. На автографе перевода, сохранившемся в архиве Этцеля в Bibliothèque Nationale de France,

ская публикация стихотворения состоялась при посредстве П.-Ж. Этцеля, во многом способствовавшего сближению Тургенева с Абу. Она-то, по всей видимости, и стала не только первым случаем сотрудничества Тургенева в «Le XIXe siècle», но и хронологически первой публикацией «Крökета» в полном виде.¹⁶

В конце 1879 года Тургенев, как минимум, дважды обращался к Абу с просьбами издательского характера. В итоге в газете были напечатаны две его статьи — о выставке картин В. В. Верещагина и о первом французском переводе романа Л. Н. Толстого «Война и мир», при этом обе они написаны в форме открытых писем к редактору. Именно в преддверии появления второй статьи,¹⁷ в конце декабря н. ст. 1879 года, между Абу и Тургеневым состоялся обмен письмами, из которого следует, что они неоднократно встречались лично, поскольку оба жили в Париже по соседству, на улице Дуэ. Так, на просьбу Тургенева от 15 (27) декабря 1879 года уделить ему «четверть часа (не более)» в любое удобное время начиная с понедельника¹⁸ Абу откликнулся на следующий день: «Дорогой и высокочтимый мэтр, я буду иметь честь явиться к вам завтра, в понедельник, в 10 часов утра, если это не неудобно для вас. Примите уверение в моем совершеннейшем почтении. Эдмон Абу».¹⁹ К сожалению, переписка между Тургеневым и Абу за август 1879 года (если таковая, конечно, имела место) не сохранилась, однако ее отсутствие еще не означает, что в указанный период между двумя литераторами не было никаких контактов (ср., например, полное отсутствие переписки между Тургеневым и Абу вокруг нашумевшего «Крökета» или статьи о выставке Верещагина).²⁰

Несмотря на то, что никаких документальных свидетельств обращения Тургенева в редакцию «Le XIXe siècle» не сохранилось, можно с высокой долей вероятности предположить, что оно имело место и, более того, увенчалось успехом, причем в рекордно быстрые сроки. Спустя всего неделю после второго письма Тургенева к Колбасину на первой полосе «Le XIXe siècle» от 15 (27) августа 1879 года появилась статья «Effets physiologiques» («Физиологический эффект») за подписью соредактора и ведущего критика газеты Франсиска Сарсе (1827–1899), посвященная вопиющему инциденту, который произошел в Одесском тюремном замке в июле того же года и прогремел не только на всю Российскую империю, но и за ее пределами. Вот эта статья:

«Effets physiologiques»

Les journaux parisiens et peut-être le „XIXe Siècle“ ont parlé d’un suicide qui s’était accompli en des circonstances extraordinaires.

C’est en Russie, dans ce pays du nihilisme, que s’était passé la chose. Un jeune homme de bonne famille, détenu dans les prisons d’Odessa, s’était brûlé lui-même, avec une intrépidité et une constance qui passent de beaucoup la célèbre légende de Mucius Scaevola.

имеется запись: «Traduction d’une pièce de vers russe de Tourgueneff, faite et écrite de sa main. J<ules> H<etzel>. 1er 7bre» («Перевод русского стихотворения Тургенева, выполнен и записан его рукой. Ж<юль> Э<тцель>. 1-го сентября»; см.: Waddington P. Some new light on Turgenev’s relations with his French publisher... P. 342).

¹⁶ Ibid. См. также: Žekulin N. G. Turgenev’s *Krökēt v Vindzore* («Croquet at Windsor») // New Zealand Slavonic Journal. 1983. P. 90–91.

¹⁷ Une Lettre de Tourguénéff // Le XIXe siècle. 1880. 23 janvier. № 2951. P. [2]; также с редакционным вступлением Абу. См.: С, 15, 186–187. Во втором академическом издании, согласно принятым эдиционным принципам, данное открытое письмо помещено в соответствующем томе серии Писем (II, XVII-1, в печати).

¹⁸ См.: Звигильский А. Тургенев и Эдмон Абу. С. 287. Здесь же впервые предложена датировка данного письма Тургенева.

¹⁹ «Cher et illustre maître, / J’aurai l’honneur de me présenter chez vous demain lundi à 10 heures du matin sauf avis contraire. / Veuillez agréer l’expression de ma plus respectueuse sympathie. Edmond About» (Houghton Library. MS Mus 232 (16). Ранее письмо находилось в коллекции Ле Сен).

²⁰ В настоящее время известно всего четыре письма Тургенева к Абу (1879, 1880, 1883), причем два из них составляют вышеназванные статьи в форме открытых писем к редактору «Le XIXe siècle», и всего одно ответное письмо Абу (1879, см. выше).

Les feuilles dévouées au gouvernement insinuèrent qu'il y avait un peu de folie dans son cas. Les journaux opposants, à qui la bride est tenue fort serrée là-bas, se contentèrent de répondre que les médecins avaient fait l'autopsie de son cerveau et constaté qu'aucune lésion n'aurait pu expliquer l'altération de ses facultés intellectuelles. Mais en Russie, le public entend à demi-mot. On avait lu entre les lignes, et l'on avait compris que ce malheureux jeune homme avait été poussé à cet acte de farouche désespoir par la barbarie de ses geôliers.

Le hasard a fait tomber entre mes mains une lettre venue de Russie, écrite par un Russe qui a été témoin oculaire de cet événement. Je me la suis fait traduire; elle m'a paru saisissante, et je donne cette traduction sans y changer un mot.

„Un jeune homme du nom de Somoff (et non de Sornoff) se trouvait détenu depuis un an dans la prison d'Odessa. La cellule où on l'avait renfermé était si infecte et si pleine d'immondices que le prisonnier y étouffait à la lettre. Ne pouvant plus supporter un pareil martyre, il se mit à supplier avec instance le surveillant en chef, les officiers de service et jusqu'aux gardiens qu'on le mit enfin en jugement, sa détention n'étant que préventive. Ces instances réitérées finirent par exaspérer le surveillant, qui fit infliger à Somoff une punition corporelle et lui attacha les mains derrière le dos avec une grosse corde. Resté seul, Somoff se souleva sur son grabat, et ne pouvant atteindre avec ses mains la lampe à pétrole accrochée au mur, parvint à arracher à l'aide de ses dents le verre qui la recouvrait et la renversa sur lui. Le pétrole répandu mit aussitôt le feu à ses vêtements, puis à sa chair; mais Somoff, ne voulant pas qu'on vint le sauver, ne poussa pas un cri, et ce n'est que quand l'odeur de la chair brûlée, passant à travers les fentes de la porte, frappa la sentinelle qui se tenait dans le corridor qu'on s'aperçut de ce qui venait d'arriver. Le surveillant, averti par la sentinelle, accourut avec les gardiens et trouva Somoff flambant comme une victime de l'Inquisition, mais ne proférant ni un mot ni une plainte. L'infortuné vécut encore vingt-quatre heures, son corps à demi carbonisé ne présentait qu'une plaie. En proie aux plus atroces souffrances, il répondait avec calme et fermeté aux gens qui l'interrogeaient. Il leur disait qu'il avait toujours été prêt à se soumettre à la sentence d'un tribunal et à souffrir pour ses convictions, mais qu'il n'avait pu supporter le châtiment avilissant et inhumain qu'on lui avait infligé. Le courage inouï qu'il avait montré en se laissant brûler vif sans proférer une seule plainte a frappé de stupeur tous les témoins oculaires de cette mort héroïque, et *c'est l'un de ces témoins qui vous écrit ceci*, en vous affirmant sur l'honneur la vérité absolue de ce qu'il vient de raconter“.

Il est impossible de ne pas frémir à la lecture de ce récit, qui porte tous les caractères de l'authenticité, et dont la vérité me serait garantie d'ailleurs par l'honorabilité, je dirai plus: par l'illustration de la personne qui m'a remis cette lettre.

Je ne ferai point de réflexions sur les prétendus crimes que l'on avait voulu punir en jetant ce jeune homme dans cette prison infecte. Il nous est assez difficile, à cette distance, de comprendre ce que méditent les novateurs qui cherchent à révolutionner l'empire des czars et d'avoir une opinion sur les rigueurs dont le gouvernement les écrase.

Mais en écoutant cette lettre éloquente, j'étais poursuivi d'une idée que je ne crois pas inutile de mettre sous les yeux de mes lecteurs.

La phrase de Pascal me remontait à la mémoire, vous savez bien, cette phrase célèbre et si souvent citée par les apologistes de la religion chrétienne, où Pascal, après avoir parlé du courage des martyrs de Néron et de Dioclétien, ajoute: „Pour moi, j'en crois des témoins qui se font égorger pour leur foi“.

Pascal a fort mal raisonné en parlant ainsi. Il est parti de cette *majeure* que la vérité était la seule chose pour laquelle les hommes pussent sacrifier leur vie, qui leur est plus chère que tout le reste et il en a conclu que ce sacrifice se tournait par cela même en preuve de la vérité, au nom de qui il était fait.

Mais rien n'est moins prouvé que cette majeure. Elle est fausse, absolument fausse, radicalement fausse.

Toute foi pousse l'homme au sacrifice: qu'elle soit vraie ou fausse, ce n'est pas l'affaire. Il suffit qu'elle soit intense. Les Allemands diraient qu'elle tire toute son énergie de

sa subjectivité. Mais laissons là ces grands mots d'outre-Rhin; parlons français, c'est-à-dire: parlons clairement.

On vient dire à une mère: „Votre enfant est mort“. Aussitôt elle fond en larmes. Que la nouvelle soit vraie ou fausse, il n'importe guère. La douleur, pour le moment, est la même. L'amour maternel fait son office; il tend les nerfs d'une certaine façon; il fait affluer le sang au cœur, il exagère la sécrétion des larmes. C'est un effet physiologique, dont l'intensivité varie suivant la nature et les dispositions du sujet qui l'éprouve, mais non suivant le plus ou moins de vérité de la nouvelle.

Que fait cette vérité puisque la mère, elle, ne révoque pas la nouvelle en doute? Elle y croit.

Eh bien! le propre du croyant, c'est de croire: le mot lui-même l'indique. S'il ne croyait pas, et de tout son cœur et de toutes ses forces, il ne serait pas croyant; il n'aurait pas la foi. Cela est si évident que j'ai quelque honte à m'y arrêter.

Il ne s'agit donc pas de savoir si cette foi est sainte ou impie, vraie ou fausse, raisonnable ou absurde; elle est, et voilà tout.

Les effets qu'elle produira sur tels ou tels individus seront donc proportionnels non pas à son plus ou moins de vérité, mais aux dispositions des individus qu'elle anime.

Ces effets seront plus intenses, plus énergiques, plus extraordinaires, si l'homme a lui-même les nerfs, plus vibrants, l'imagination plus surexcitée; les cordes d'un violon tendu rendent le même son, quel que soit l'archet qui les touche.

Voilà un garçon dont l'héroïsme étonne et déconcerte. Peut-être reculerions-nous d'étonnement et de dégoût si nous savions pour quelle foi il mourait avec cette constance opiniâtre. Les aliénés qui se laissaient, en poussant des cris de plaisir, décharger des coups de bûche dans l'estomac, au cimetière de Saint-Médard, n'en faisaient ni moins ni plus que les martyrs qui flambaient dans le cirque de Néron en chantant des *alleluia*, que ce nihiliste, qui, réduit en charbon, s'entretient avec gravité, sans une plainte, de la foi qui lui a conseillé le suicide.

Il a manqué à Pascal d'être physiologiste et d'avoir assisté aux cours du docteur Charcot.

Francisque Sarcey». ²¹

Перевод:

«Физиологический эффект

Парижские газеты, не исключая, может быть, и газету „XIXe Siècle“, уже писали об одном самоубийстве, которое произошло при чрезвычайных обстоятельствах.

Это случилось в России, на родине нигилизма. Молодой человек из хорошей семьи, посаженный в одесскую тюрьму, совершил акт самосожжения с такою решимостью и стойкостью, которой немало бы подивился даже легендарный Муций Сцевола.

Лояльные правительству издания косвенно дали понять, что в данном случае речь идет о некотором помешательстве. Оппозиционные же газеты, которые в России держатся в строгой узде, удовольствовались в ответ словами о том, что, по заключению вскрывавших врачей, в головном мозге несчастного не обнаружилось таких патологических изменений, которые бы указывали на ненормальное состояние его умственных способностей. Но в России общественность понимает с полуслова. Она прочла между строк и увидела, что именно жестокость тюремщиков подтолкнула молодого человека к столь безысходному и отчаянному поступку.

По случаю ко мне в руки попало письмо из России, написанное одним русским, очевидцем этого происшествия. Мне его перевели; оно показалось мне потрясающим, привожу этот перевод, не изменив в нем ни слова.

²¹ Sarcey F. Effets physiologiques // Le XIXe siècle. 1879. 27 août. № 2804. P. [1].

„Молодой человек по фамилии Сомов (а не Сорнов) в течение года содержался в одесской тюрьме. Камера, в которую его поместили, была столь зловонна и полна нечистот, что заключенный там в буквальном смысле слова задохнулся. Не имея более сил выносить подобную муку, он принялся настойчиво умолять главного надзирателя, дежурных офицеров и даже охранников, чтобы его наконец предали суду, ибо заключение его было предварительным. Неоднократные мольбы разозлили в конце концов надзирателя, который распорядился подвергнуть Сомова телесному наказанию и связать ему руки за спиной толстой веревкой. Оставшись один, Сомов приподнялся на своей жалкой постели и, не имея возможности снять руками керосиновую лампу, закрепленную на стене, умудрился сперва стащить зубами стекло и потом опрокинул лампу на себя. От пролившегося керосина тотчас вспыхнула одежда, а затем и все тело; однако Сомов, не ища для себя спасения, ни разу не вскрикнул от боли, и когда запах горелой плоти, пробившийся сквозь дверные щели, дошел до часовых, находившихся в коридоре, только тогда-то все и обнаружилось. Надзиратель, оповещенный часовыми, прибежал вместе с охранниками и увидел Сомова: тот, словно жертва инквизиции, горел, не издавая при этом ни одного звука, ни одного стона. Несчастный прожил еще сутки, его тело, наполовину обугленное, представляло собой сплошную рану. Измученный жесточайшими страданиями, он отвечал спокойно и твердо тем, кто его допрашивал. По его словам, он был всегда готов подчиниться приговору суда и пострадать за свои убеждения, но едва ли мог вынести унижительное и бесчеловечное наказание, которому его подвергли. Невероятное мужество, обнаруженное им при самосожжении, во все время которого он не издал ни единого стона, повергло в изумление всех очевидцев этой героической смерти, и *один из этих очевидцев пишет вам сейчас*, заверяя вас своей честью в совершенной истинности каждого сказанного им слова“.

Невозможно не содрогнуться, читая этот рассказ, который несет на себе все признаки подлинности и правдивость которого к тому же удостоверяет репутация, скажу более — известность человека, передавшего мне это письмо.

Не буду высказывать никаких соображений о преступлении, будто бы совершенном этим молодым человеком, за которое его хотели наказать, бросив в зловонную тюрьму. Нам, находящимся за тридевять земель, довольно сложно судить о замыслах революционно настроенных элементов, стремящихся коренным образом преобразовать царскую империю, и тем паче составить мнение о суровости ответных мер правительства.

Знакомясь с красноречивым письмом, приведенным выше, я не мог, однако же, отделаться от мысли, которой считаю небесполезным поделиться со своими читателями.

Мне припомнилась одна фраза Паскаля, всем хорошо известная, та самая знаменитая фраза Паскаля, которую так часто приводят апологеты христианской религии, а именно слова, сказанные им по поводу стойкости мучеников в периоды Нерона и Диоклетиана: „Что до меня, то я верю лишь тем свидетелям, которые за веру свою дают перерезать себе горло“.

Говоря подобное, Паскаль рассуждал в корне неверно. Он исходил из той *предпосылки*, что истина является единственным, ради чего человек может пожертвовать своей жизнью, самым дорогим, что у него есть, и из этого заключал, что самопожертвование превращается тем самым в подтверждение истины, во имя которой оно совершается.

Однако нет ничего менее доказанного, чем эта предпосылка. Она неверна, совершенно неверна, в корне неверна.

Любая вера толкает человека на самопожертвование — истинная она или ложная, не имеет значения. Достаточно того, что она крепка. Немцы сказали бы, что вера черпает всю свою энергию из своей субъективности. Но оставим эти громкие германские слова; давайте говорить по-французски, то есть: давайте говорить ясно.

К матери приходят и говорят: „Ваш сын мертв“. Она тотчас заливается слезами. Не столь важно, правдиво это известие или нет. Горе есть горе. А материнская любовь

есть материнская любовь: она-то и перевозбуждает нервную систему; она-то и учащает кровообращение; она-то и доводит до предела слезоотделение. Это физиологический эффект, интенсивность которого зависит от природы и задатков того, кто его испытывает, а не от того, правдиво или нет само известие.

Да и что значит правда, если сама мать не сомневается в услышанном? Она верит — и все тут.

Что же! верующему свойственно верить: само слово на это указывает. Если бы он не верил, притом всем сердцем своим и всеми силами, он не был бы верующим; он не имел бы веры. Это столь очевидно, что даже несколько неловко на этом останавливаться.

Итак, речь идет не о том, какая эта вера: святая или безбожная, истинная или ложная, разумная или абсурдная; главное — она существует, в этом все дело.

Эффект, который она оказывает на тех или иных индивидов, будет зависеть не от того, насколько она истинна, но от задатков тех, кем она движет.

Этот эффект будет более сильным, более интенсивным, более исключительным, если сам человек имеет натуру более впечатлительную, нервы более тонкие, воображение более пылкое; натянутые струны скрипки издадут один и тот же звук, независимо от того, какой смычок их касается.

Вот молодой человек, героизм которого и поражает, и приводит в замешательство. Возможно, мы бы отшатнулись в изумлении и отвращении, если бы узнали, во имя какой идеи он умер с таким непоколебимым мужеством. Сумасшедшие, позволявшие бить себя поленьями в живот на кладбище Сен-Медар и издававшие при этом вопли восторга,²² поступали ровно так же, как поступали мученики, которые сгорали заживо в цирке Нерона, напевая *аллилуйя*, и ровно так же, как поступил этот нигилист, обугленный до головешки, который со всей невозмутимостью и без единой жалобы говорил о вере, приведшей его к самоубийству.

Паскалю не довелось быть физиологом и посещать курсы доктора Шарко.

Франсиск Сарсе».

Одесская история, изложенная у Сарсе, берет свое начало в трех номерах «Новороссийского телеграфа» за 12 (24), 15 (27) и 19 (31) июля 1879 года.²³ Именно здесь были впервые даны все ключевые подробности по делу Сомова. В самом скором времени репортажи из «Телеграфа» попали в другие одесские газеты и, с прибавлением новых подробностей, нашли отражение в центральной печати, а чуть позже были подхвачены европейской прессой, предсказуемо вызвав широкий резонанс, в значительной мере потому, что это был фактически первый случай самосожжения среди заключенных в российских тюрьмах.²⁴

Одной из первых иностранных газет, сообщивших о самосожжении Сомова, стала лондонская «The Times» от 27 июля (8 августа) 1879 года:

«Одесса, 7-е авг. В здешней тюрьме некий социалист по фамилии Сомов совершил чрезвычайно странное самоубийство. Накануне вечером, после проверки, когда камеры были заперты, дежурный ключник услышал запах дыму, идущий из камеры Сомова. Когда вошли в камеру, то застали арестованного сидящим над керосиновой лампой в попытке совершить самосожжение. Пальцы его уже обгорели до кости, а спина его,

²² Имеются в виду «конвульсионеры», проводившие свои экзальтированные собрания на парижском кладбище Сен-Медар. Деятельность этой секты неоднократно анализировалась в работах Ж.-М. Шарко.

²³ В Приложении к настоящей статье в хронологическом порядке помещены основные материалы по делу Сомова, печатавшиеся в русской прессе в июле–августе 1879 года. Цитаты из зафиксированных в Приложении газетных заметок приводятся далее в тексте без полных библиографических ссылок, только с указанием места и даты публикации.

²⁴ Ср.: «Симптоматичными для режима политических тюрем конца 70-х годов были случаи самосожжения узников: так, сожгли себя террорист Николай Сомов в Одесском тюремном замке 14 июля 1879 г. и (по свидетельству И. С. Джабадари, которое, может быть, неточно) пропагандист Николай Васильев в Тобольской тюрьме 7 июня 1878 г.» (Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России: Политические процессы, 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 213).

почти по самую шею, покрылась страшными ожогами. Решимость, с которой Сомов пытался покончить с собой, была столь велика, что во все время этой операции он ни единым звуком не обнаружил физических страданий; он не проронил ни звука и впоследствии, когда его уже доставили в больницу, где он вскоре и умер. Что побудило Сомова совершить столь странный поступок — это, кажется, так и не получило объяснения».²⁵

Уже на следующий день известие из «The Times», где, по сути дела, суммировались сведения, впервые обнародованные в «Новороссийском телеграфе», было перепечатано парижской «Le Globe»²⁶ (с ошибкой в написании фамилии Сомова — Sornoff вместо Somoff, повторенной затем рядом других, в том числе крупных изданий) и в течение ближайших двух-трех дней мгновенно растиражировано во французской прессе. Лишь в единичных случаях данные британской газеты дополнялись сведениями, почерпнутыми напрямую из русских печатных источников. Так, например, «Le Figaro» от 29 июля (10 августа),²⁷ помимо перевода из «The Times», привела пространную выдержку из некоей московской газеты (которая обозначена как «„Russia Viedomoski“ (sic!) de Moscou»)²⁸, в свою очередь заимствованную, по всей видимости, из «Новороссийского телеграфа» от 19 (31) июля 1879 года.

подавляющая часть сообщений, выявленных нами по делу Сомова во французских газетах за август н. ст. 1879 года, восходит преимущественно к британской «The Times»²⁹ и, соответственно, носит вторичный характер. Статья же Сарсе основывается на *эксклюзивных* сведениях из письма некоего очевидца, личность которого осталась неназванной. Именно это «письмо очевидца» и может являться, на наш взгляд, той самой «потрясающей» корреспонденцией, которую Тургенев не только перевел, но и немедленно передал Сарсе для помещения в «Le XIXe siècle». В пользу этого предположения говорит ряд обстоятельств.

Прежде всего, предваряя собственно публикацию «письма очевидца», Сарсе вкратце коснулся истории с самоубийством Сомова, обнаружив при этом прекрасное знание того, как освещалось это событие в России, причем как в проправительственных, так и в оппозиционных повременных изданиях. «Лояльные правительству издания, — авторитетно резюмировал критик, — косвенно дали понять, что в данном случае речь идет о некотором помешательстве. Оппозиционные же газеты, которые в России держатся в строгой узде, удовлетворялись в ответ словами о том, что, по заключению вскрывавших врачей, в головном мозге несчастного не обнаружено таких патологических изменений, которые бы указывали на ненормальное состояние его

²⁵ The Times. 1879. 8 August. № 29641. P. 5: «Odessa, Aug. 7. An extraordinary suicide has been committed in the prison here by a Socialist named Somoff. The other evening, after all the prisoners were locked up for the night, a warder noticed smoke issuing from Somoff's cell, and upon entering it he found the prisoner in a sitting posture over a lighted petroleum lamp slowly burning himself to death. The flesh of the fingers was already consumed so that only the bones remained, and the back nearly up to the neck was dreadfully burnt. Such was the man's determination that neither during the act nor at the hospital whither he was removed only to linger and die did he utter a word or give any sign indicative of suffering, and no one appears to be able to account for the strange deed». См. также дополнение, в котором говорится, что Сомов, упомянутый в предыдущей заметке, есть тот самый человек, который накануне «пытался устроить политическую демонстрацию» на Приморском бульваре: «Odessa <...> In the telegram of the 2d inst. respecting the Socialist Somoff's suicide by burning in the prison it should have been mentioned that he was the same man who the day before attempted to get up a political demonstration during the fashionable promenade on the boulevard here» (Ibid. 11 August. № 29643. P. 5). Сержено благодарим А. Ю. Кокотова за любезно предоставленные копии из лондонской «The Times».

²⁶ Le Globe. 1879. 9 août. № 97. P. 2.

²⁷ Le Figaro. 1879. 10 août. № 222. P. [3].

²⁸ «Московские „Русские ведомости“» — *фр., искаж.* В газете «Русские ведомости» искомое сообщение не обнаружено. Реальный источник публикации в «Le Figaro» требует дальнейших разысканий.

²⁹ См. ниже, прим. 51–53.

умственных способностей».³⁰ Примечательна при этом и странная оговорка критика в первом предложении статьи: «Парижские газеты, не исключая, *может быть*, и газету „XIXe Siècle“, уже писали об одном самоубийстве, которое произошло при чрезвычайных обстоятельствах» (курсив наш. — В. Л., В. С.). Вряд ли Сарсе, не приметивший того, что его родная газета «Le XIXe siècle» двумя неделями ранее поместила свой перевод заметки о Сомове из «The Times»,³¹ мог столь чутко уловить настроения русской общественности, которая, по его словам, будто бы «прочла между строк» и разгадала истинную подоплеку одесского дела. Подобную осведомленность в русских делах и расстановке сил в русской прессе сложно предположить у француза, ранее не затрагивавшего в своих статьях проблем из внутренней жизни России. Столь же неожиданной в статье Сарсе является и характеристика Сомова как «молодого человека из хорошей семьи»³² — деталь, отсутствующая во всем корпусе сообщений по одесскому делу в русской печати. Все это может означать только то, что даже в авторской речи Сарсе использовал сведения, полученные от русского информатора.

В статье «Физиологический эффект» Сарсе раскрыл и некоторые детали, касающиеся происхождения публикуемого им письма: «*По случаю* ко мне в руки попало письмо из России, написанное одним русским, очевидцем этого происшествия. *Мне его перевели*; оно показалось мне *потрясающим*, привожу этот перевод, не изменив в нем ни слова» (курсив наш. — В. Л., В. С.). Как видно, замечание о «потрясающем» («saïssante») письме, присланном очевидцем из России и переведенном, по словам Сарсе, при содействии кого-то из парижских знакомых, вполне коррелирует с тем, что нам известно из двух упомянутых писем Тургенева к Колбасину. Более того, хотя Сарсе прямо не называет имя знакомого, сообщившего ему текст письма, он делает довольно прозрачную оговорку: «Невозможно не содрогнуться, читая этот рассказ, который несет на себе все признаки подлинности и правдивость которого к тому же удостоверяет репутация, скажу более — известность человека, который передал мне это письмо». Все это еще более укрепляет нас во мнении, что человеком, который перевел и сообщил Сарсе письмо с новыми подробностями о Сомове, мог быть именно Тургенев.

Как и редактор-издатель «Le XIXe siècle» Абу, Сарсе жил на улице Дуэ, по соседству с Тургеневым, и был с ним лично знаком. Об этом французский критик мимоходом упомянул в статье, написанной по случаю выхода одиозного издания «Souvenirs sur Tourguénéff» («Воспоминания о Тургеневе») И. Я. Павловского (Paris, 1887): «Что касается меня, то именно за обедом у Доде я имел удовольствие впервые пообщаться с Тургеневым — даром что мы долгое время были соседями; он жил на улице Дуэ, почти напротив моего дома. Но в Париже, как известно, можно десять лет прожить на одной площадке с соседями и ни разу при этом не встретиться».³³ Хотя Сарсе и прибавлял

³⁰ Учитывая весь корпус выявленных нами публикаций по делу Сомова в русской печати, не вполне понятно, о каких «оппозиционных» газетах здесь может идти речь. Возможно, под ними подразумеваются какие-то газеты, перепечатавшие сведения о результатах вскрытия из «Новороссийского телеграфа» от 19 (31) июля. Последнее же издание явно опиралось на источники, близкие к одесской тюремной администрации, полиции или судебной палате. Фразеология и манера речи, использованные корреспондентом «Телеграфа» при освещении материалов по делу Сомова, не обнаруживают и тени «оппозиционности».

³¹ Le XIXe siècle. 1879. 13 août. № 2791. P. [3].

³² Примечательно, что в австрийской «Steyrer Zeitung» от 26 июля (7 августа) 1879 года (№ 63. S. 2) Сомов был назван «сыном очень богатого купца» («eines sehr reichen Kaufmannes Sohn»). Эта подробность, неизвестная по другим публикациям и явно восходящая к не выявленному нами источнику («Odessaer Zeitung»?), хотя и не соответствует действительности, тем не менее нуждается в анализе. Ср. упоминание о том, что Сомов был «сыном богатого курского помещика», в сообщении одесского корреспондента «Московских ведомостей» от 27 июля (8 августа) 1879 года.

³³ Sarcey F. Souvenirs sur Tourguénéff // République française. 1887. 12 octobre. № 5786. P. 3 («Pour moi, c'est à la table de Daudet que j'ai eu pour la première fois le plaisir de causer avec lui, bien que je fusse depuis assez longtemps son voisin; car il demeurait rue de Douai, presque en face de chez moi. Mais vous n'ignorez pas qu'à Paris on peut vivre dix ans sur le même palier sans se rencontrer jamais»).

далее, что «имел честь беседовать с Тургеневым не более двух или трех раз в жизни»,³⁴ самый факт их личного знакомства, состоявшегося, по всей видимости, во время Международного литературного конгресса в Париже, не вызывает сомнений.

Характер отношений между Тургеневым и Сарсе мог бы стать более рельефным, если бы их переписка дошла до нас в сколько-нибудь полном объеме, однако этого не случилось. Маловероятно, впрочем, что она была интенсивной. Это следует из слов И. Д. Гальперина-Каминского, неумолимого собирателя и публикатора французских писем Тургенева: «На мою просьбу (сообщить письма Тургенева. — В. Л., В. С.) Жюль Симон ответил, что он действительно „очень хорошо знал и очень сильно любил Тургенева“. „Наши встречи, — прибавил он далее, — были слишком частыми, чтобы поддерживать еще и литературную переписку, а кроме того, мой архив был фактически разграблен“. Такой же ответ последовал и от Франсиска Сарсе, с тою лишь разницей, что он сам отдал „любителям автографов“ несколько незначительных записок, полученных им от Тургенева».³⁵ Не исключено, что среди последних были и две записки Тургенева к Сарсе за май н. ст. 1878 года, опубликованные недавно по автографам из частного собрания г-жи Энгельбах (Париж; ср.: П, XVI-1, № 5019, 5020). Нынешнее местонахождение остальных «незначительных записок» неизвестно.

Рассмотрим теперь вопрос о том, как объяснить связь между Колбасиным и письмом, присланным неким очевидцем из Одессы. Сам Колбасин, несомненно, не мог быть этим очевидцем, поскольку уже 1 (13) июля 1879 года, т. е. за неделю до ареста Сомова, находился в Гейдельберге.³⁶ Вместе с тем известно, что давние знакомые Тургенева братья Колбасины, уроженцы Ананьевского уезда Херсонской губернии,³⁷ считали Одессу своей второй родиной.³⁸ Именно здесь, в Одессе, провел последние годы своей жизни Елисей Колбасин.³⁹ Это означает, что письмо о прогремевшем на весь город событии (если оно оказалось в руках у Е. Я. Колбасина) было получено им за границей от кого-то из одесских знакомых или родственников, к примеру от родного брата Дмитрия.⁴⁰

³⁴ Ср.: «Je n'ai guère eu l'honneur que deux ou trois fois en ma vie de causer avec Tourguéneff <...>» (Ibid.).

³⁵ См.: *Lettres d'Ivan Tourguéneff à Mme Pauline Viardot, à Gustave Flaubert et à Mme Commanville / Publiées et annotées par E. Halpérine-Kaminsky // Cosmopolis. 1896. Vol. 3. № 7 (July). P. 138* («Jules Simon a répondu à ma demande qu'en effet il a „beaucoup connu et beaucoup aimé Tourguéneff. Nos entrevues, ajouta-t-il, étaient trop fréquentes pour qu'il y eût lieu entre nous à une correspondance littéraire, et d'ailleurs mes cartons ont été affreusement pillés“. C'est le même cas pour Francisque Sarcey, avec cette différence qu'il a volontairement donné à des „amateurs d'auto-graphes“ les quelques billets insignifiants qu'il a reçus de Tourguéneff»).

³⁶ Данные о пребывании Колбасина в Гейдельберге реконструируются на основании сведений, содержащихся в письме П. В. Анненкова к Тургеневу от 3 (15) июля 1879 года (см.: *Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подг. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 2. С. 108*).

³⁷ См. личные дела коллежского асессора Д. Я. Колбасина и коллежского советника Е. Я. Колбасина, сотрудников Департамента неокладных сборов Министерства финансов: РГИА. Ф. 574. Оп. 7. Д. 543. Л. 4 об.; Д. 544. Л. 14 об. (здесь в деле Е. Я. Колбасина в графе «Есть ли имя» значится: «Родовое: За родителями его в Ананьевском уезде Херсонской губернии 1500 десятин земли с поселенными 150 душами временнообязанных крестьян»).

³⁸ Ср. фрагмент из письма Д. Я. Колбасина к Тургеневу от 5 марта 1857 года: «Если Вы приедете в мае, то мы в одно время выедем из Петербурга, я хочу пробраться на родину, в Одессу, и хочу непременно, а то что-то я больно плох стал, совсем Петербург заездил — надо порассеяться...» (ИРЛИ. Ф. 7. № 143. Л. 44–44 об.).

³⁹ Ср. фрагмент из письма Е. Я. Колбасина к Тургеневу от 10 августа 1881 года: «Я по-прежнему живу в Одессе на своей дачке, и кроме книг и родных никого более не вижу» (Шукинский сборник. М., 1907. Вып. 6. С. 437). Ср. также фрагмент из письма Д. Я. Колбасина к Я. П. Полонскому от 16 мая 1885 года: «Вот уже 8 лет, как я живу в родовом имении (в селе Марьяно-Чегодаровке Ананьевского уезда Херсонской губернии. — В. Л., В. С.) и лично веду хозяйство, нисколько не жалея, что бросил казенную службу, хотя и там имел немалый успех, благодаря дружбе Тургенева, Тютчева и Грота. Брат мой, Елисей Яковлевич, живет с семейством в Одессе, но 4 года как потерял зрение окончательно и сильно нервно расстроен» (ИРЛИ. № 12148. Л. 2–2 об.).

⁴⁰ Дмитрий Яковлевич Колбасин (1827 — не ранее 1895) — фигура, слабо отраженная в литературе о Тургеневе. Сохранилось свыше 30 писем его к Тургеневу, однако только часть из них

Вглядимся еще раз в «письмо очевидца» из статьи Сарсе. С содержательно-стилистической точки зрения оно частично тяготеет к заметке, помещенной постоянным одесским корреспондентом в газете «Русская правда» 22 июля (3 августа) 1879 года. В то же время в «письме очевидца» обнаруживаются подробности, которые отсутствуют не только в каких бы то ни было открытых печатных источниках, но и в следственных документах по делу Сомова. Так, автор письма упоминает о том, что Сомов содержался в тюрьме без предъявления обвинения «в течение года», причем содержался в нечеловеческих условиях, а в ответ на свои мольбы о правосудии был подвергнут телесному наказанию. Все это резко расходится с официальной версией, согласно которой Сомов был задержан на Николаевском Приморском бульваре вечером 10 (22) июля 1879 года, на следующий день препровожден в Тюремный замок, ночью 12 (24) июля совершил акт самоубийства, а уже утром 14 (26) июля скончался от ожогов в тюремной больнице. Об этом однозначно говорит и секретное донесение начальника Одесского жандармского управления К. Г. Кнопа от 15 (27) июля 1879 года:

«<Докладная записка начальника
Жандармского управления г. Одессы К. Г. Кнопа
шефу жандармов А. Р. Дрентельну>

Секретно

НАЧАЛЬНИК
ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ
ГОРОДА ОДЕССЫ
15 июля 1879 года
№ 797
г. Одесса

В дополнение докладной моей записки от 11 сего июля за № 766 Вашему Высокопревосходительству имею честь донести, что данные, добытые полицейским дознанием по обвинению Николая *Сомова*, вполне подтвердились и не обнаружены какие-либо новые обстоятельства.

На допросе Сомов отказался давать какие-либо показания, высказывал крайнюю раздражительность, то упорно молчал, то сердился на каждый новый вопрос и повторял, что он уже двадцать раз говорил, что не будет отвечать.

При осмотре принадлежащих ему вещей, взятых в гостинице, где он остановился в тот же день, он отворачивался, сердился, что его заставляют при этом присутствовать, и говорил, что с ним поступают незаконно.

введена в оборот. Совершенно неизвестными остаются примечательные мемуары Колбасина о Тургеневе, Писемском, Щербине, Фете и др. (в настоящее время готовятся к публикации). Сведения о Колбасине крайне противоречивы. Так, даже указание на год смерти во всех без исключения источниках дается с ошибками. См., например: П, II, 592. Приведенный здесь год смерти (1890) является неверным, что подтверждают, в частности, документы о продаже Колбасиным имения при деревне Людвиполь Каменецкого уезда Подольской губернии, состоявшейся 18 декабря 1892 года (РГИА. Ф. 593. Оп. 2. Д. 168. Л. 14–14 об.), а также отчаянное до слез письмо к Л. Н. Толстому от 5 февраля 1895 года (ГМТ. Ф. 1. 156/85; см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1954. Т. 68. С. 35). Ср. также: К вопросу о земледелии (Письмо в редакцию) / Землевладелец Дмитрий Колбасин // *Одесский вестник*. 1892. 6 (18) марта. № 60. С. 2; Из воспоминаний Д. Я. Колбасина [Два письма И. С. Тургенева по поводу надела крестьян] // *Одесский вестник*. 1893. 22 февр. (6 марта). № 49. С. 3; фр. пер: Deux lettres inédites de Tourguéneff / [Tr. par] O. de Sitt [= «Одессит» = М. О. Ашкинази?] // *Entretiens politiques et littéraires*. 1893. T. VI. № 41 (25 Avril). P. 364–370. И русская, и французская публикации писем Тургенева к Д. Я. и Е. Я. Колбасиным от 27 марта (8 апреля) и 8 (20) апреля 1858 года остались неучтенными в литературе.

Как самый его поступок на бульваре 10-го июля вечером, так равно и его поведение во время допросов наводили на мысль, что умственные его способности находились не в нормальном состоянии. Но этому, по-видимому, противоречило найденное при нем письмо, писанное в тот же день и адресованное в г. Курск на имя его матери; письмо это писано вполне здраво и наполнено нежными заботами о матери. Из этого письма видно, что он жил на одном из одесских лиманов <так!>, но на котором еще не обнаружено; он же на вопрос о том не хотел отвечать.

При отвозе Сомова из полиции в тюрьму, в тюремной карете, он на дворе полиции, а также по доставлении его туда, на дворе замка, стал кричать, но при этом о Царе более не упоминал, а выставлял себя мучеником и объявлял, что пищи принимать не будет.

Во внимание к такому странному его поведению и допуская возможность психического страдания, я 11-го сего июля письменно поручил смотрителю тюремного замка обратить особое свое внимание на этого арестанта, учредить за ним бдительное наблюдение и по возможности не раздражать его. На следующий день 12 числа я посетил Сомова в замке с частным врачом и нашел его более покойным, но так же не разговорчивым. При этом он меня, однако, просил ускорить заседание суда по его делу и вызвать его мать, но отказался мне дать ее адрес. На мой вопрос, зачем ему нужна мать, он мне ответил, что он умрет, и прибавил: „Как же я умру без матери“. Присутствовавший врач ни к какому определенному заключению не пришел.

В тот же вечер при проверке арестантов Сомов опять стал кричать и, обращаясь к конвойным, говорить, что он мученик; при этом бросался в дверь из камеры и буйствовал так, что смотритель приказал его связать и положить на тюфяк. В комнате на полу осталась лампа. Часа через три часовой заметил дым, выходящий из камеры, и, когда ее отворили, оказалось, что Сомов успел высвободить свои ноги, губами снял стекло с лампы и, присев на пол спиною к лампе, зажег свое белье и таким образом причинил себе обжоги на спине, связанных за спиною руках и ляжках; руки обожжены до костей. При этом он не издавал от боли ни одного звука, а затем говорил спокойно и заявлял, что его взял святой Иосиф, и просил доктора вылечить ему руки, так как ему надо писать, а о спине не заботиться. Обжег же он себя нарочно.

В прошлую ночь он от последствий обжогов умер.

По полученным мною от полковника Пальшау⁴¹ по телеграфу сведениям, Сомов болел малокровием, пороком сердца, увеличением селезенки, занятий не имеет, выехал в июне из Курска в Одессу для излечения болезни; с тою же целью был в Крыму и Киеве.

Таким образом дело по обвинению Сомова должно быть прекращено смертию, причем я, однако, полагаю дополнить его розыском квартиры Сомова на лимане для установления, с кем он там вел знакомство и не посещали ли его подозрительные в политическом отношении личности, которые могли, быть может, его подговорить к поступку на бульваре; хотя по нравственному моему убеждению Сомов действовал на бульваре одиночно, под влиянием припадка умопомешательства. В течение 11, 12 и 13 чисел он ничего не ел, хотя пища стояла у него, и только вчера, после обжога он выпил чаю.

Полковник Кноп». ⁴²

Сведения из докладной записки полковника К. Г. Кнопа на имя шефа жандармов А. Р. Дрентельна от 15 (27) июля 1879 года находятся в полном согласии с заключением прокурора Одесской судебной палаты Г. А. Евреинова от 16 (28) августа 1879 года, представленным в Департамент Министерства юстиции:

⁴¹ Имеется в виду полковник Николай Федорович Пальшау, начальник Курского губернского жандармского управления.

⁴² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 164. Д. 411. Л. 9–11. Докладная записка К. Г. Кнопа находится в составе дела под названием «По обвинению дворянина Николая Сомова в государственном преступлении», хранящегося в архиве III отделения собственной е. и. в. канцелярии (3-я экспедиция). Дело Сомова включает в себя различные документы, охватывающие период с 11 (23) июля по 19 (31) сентября 1879 года.

«Заключение

о дальнейшем направлении дела о сыне майора Николае Николаеве Сомове,
обвиняемом в государственном преступлении

10 июля 1879 г. и. д. полицеймейстера г. Одессы⁴³ препроводил начальнику Одесского жандармского управления⁴⁴ три протокола о беспорядке, произведенном на одесском Приморском бульваре сыном майора Николаем Николаевым Сомовым.

При производстве дознания опрошенный в качестве свидетеля околodочный надзиратель Викторov показal, что 10 июля он был назначен в наряд на городской бульвар, куда и прибыл в 6 часов вечера. В 8 ½ часов вечера, когда заиграла музыка, из-за стоявшего неподалеку от него жандарма выскочил на средину большой аллеи бульвара неизвестный молодой человек (оказавшийся впоследствии сыном майора Николаем Сомовым) и, подбросив вверх свой картуз, крикнул: „Да здравствуют ребята! у нас нет Царя!.. вот когда восторжествует истина!“

Услышав это, он, Викторov, подбежал к Сомову, накинул на него свою шинель и при помощи находившихся вблизи жандармов и двух городских, Дынкина и Марказина, усадил его на дрожки. В это время шинель спала с головы Сомова, и он крикнул, обращаясь к публике: „Прощайте, ребята! не робейте!.. Вот когда восстали новые мученики“.

Во время пути Сомов боролся и пальто часто спадало у него с головы; при каждом таком случае он кричал проходившей публике: „Не робейте, ребята! Государя нет!..“

Показание Викторова вполне подтвердили свидетели Шишков, Дынкин и Марказин.

Свидетель околodочный надзиратель Лютковский показal, что он был дежурным по участку 10-го июля, когда был доставлен Викторовым Сомов, который сначала вел себя смирно, но когда он, Лютковский, начал его обыскивать, то Сомов начал ругать всех бывших в комнате шпионами и сказал, что они хотят присвоить себе его часы. Затем прибыл в управление полицеймейстера г. одесский градоначальник,⁴⁵ и когда туда же вели Сомова, то он пытался бежать, а по поимке его начал кричать: „Ребята, сюда на помощь! да восторжествует истина!“ На вопросы градоначальника о его звании и месте жительства он ответил, что он сын дворянина Николай Сомов и остановился в гостинице „Штутгарт“, а затем заявил, что более ничего не желает отвечать, причем, обращаясь к градоначальнику и и. д. полицеймейстера Лохвицкому, прибавил: „Вы все шпионы, во всех вас нет истины; ну, чего вы приглядываетесь, вы бы хорошенько всмотрелись в себя“.

Спрошенный в качестве обвиняемого сын майора Николай Сомов отказался давать какие-либо показания.

Во время производства дознания Сомов находился в возбужденном состоянии, и обнаруженные в его поведении странности подали повод предположить ненормальность его умственных способностей. Вследствие этого смотрителю Одесского тюремного замка,⁴⁶ куда был препровожден обвиняемый Сомов, было предписано иметь особое за ним наблюдение и внимательно и мягко с ним обращаться.

Отношением от 13 июля сего года за № 2606 смотритель Тюремного замка донес начальнику Одесского жандармского управления, что Сомов 12 июля, раздевшись нагим, стучал в дверь камеры и кричал сторожевым солдатам: „Убейте меня за свободу

⁴³ Имеется в виду коллежский советник Петр Андреевич Лохвицкий, помощник одесского полицеймейстера Владимира Платоновича Перелешина. Именно Лохвицкий исполнял должность полицеймейстера по случаю отпуска своего начальника со 2 (14) по 19 (31) июля, т. е. в самый разгар истории с Сомовым (см.: Одесский листок объявлений. 1879. 3 июля. № 143. С. 1; Ведомости одесского градоначальства. 1879. 3 июля. № 143. С. 2; 20 июля. № 158. С. 2).

⁴⁴ Имеется в виду полковник Карл Германович Кноп.

⁴⁵ Имеется в виду генерал-лейтенант Александр Константинович Гейнс, одесский градоначальник в 1878–1880 годах.

⁴⁶ Имеется в виду титулярный советник Филипп Стахивич Зубачевский (см.: Памятная книжка Одесского градоначальства на 1879 год / Изд. Одесского статистического комитета. Одесса, 1878. С. 71).

и истину!“ Для умирения он был связан и положен на тюфяк, а по прошествии некоторого времени в его камере был замечен дым, а затем оказалось, что Сомов причинил себе значительные обжоги на разных частях тела посредством находившейся в его камере лампы. Немедленно ему была подана необходимая медицинская помощь, но 14 июля в 7 часов утра Сомов умер.

На основании изложенного и ст. 1045 Уст<ава> угол<овного> суд<опроизводства> изд<ания> 1876 г.⁴⁷ предполагается настоящее дело за смертью обвиняемого прекратить.

Составлено 16 августа 1879 года.

Прокурор Одесской судебной палаты Евреинов». ⁴⁸

Нетрудно заметить, что и докладная записка К. Г. Кнопа, и официальное заключение Г. А. Евреинова не вполне согласуются с версией, изложенной в одесской корреспонденции из статьи Сарсе. Отмеченные в «письме очевидца» противоречия, касающиеся содержания Сомова в тюрьме, и в то же время уникальные подробности, отсутствующие во всем корпусе выявленных нами газетных публикаций, не позволяют сделать твердого вывода о том, кем же на самом деле являлся неизвестный очевидец. Как уже говорилось выше, им мог быть кто-то из родственников или знакомых Колбасина, в особенности тот, кто был близок к тюремной администрации, полиции или судебным кругам. Очевидцем мог быть, например, и кто-то из врачей, присутствовавших при вскрытии. Круг знакомств Колбасина среди одесских врачей был неизбежно широк. Находясь с конца 1860-х годов на службе в Министерстве финансов в качестве старшего ревизора Таврического акцизного управления, он из-за расстроенного здоровья и резкого ухудшения зрения регулярно брал длительные отпуска; затем, в ноябре 1876 года, был вынужден перевестись в Департамент неокладных сборов, а 24 декабря того же года и вовсе уволился «по болезни». ⁴⁹

Вполне вероятно, что и сам Колбасин мог внести в присланный ему из Одессы текст какие-то изменения или даже отредактировать его. На это указывает уточнение в самом начале письма: «Молодой человек по фамилии Сомов (а не Сорнов) <...>», явно предназначавшееся для французского читателя. ⁵⁰ Именно в ряде французских изданий, в том числе авторитетных, фамилия Сомова, как уже говорилось, печаталась с данным искажением. Помимо упомянутой «Le Globe», опечатку повторили в том числе «Le Courrier du soir» 29 июля (10 августа), ⁵¹ «Journal des débats» 30 июля (11 августа) ⁵² и «La Presse» 2 (14) августа. ⁵³ Судя по датам выхода газет, анонимный очевидец вряд ли успел бы заметить данную опечатку во французской прессе, а если бы и заметил, то никак не смог бы сообщить о ней в своем письме Колбасину, поскольку это означало бы, что корреспонденция была отправлена им 29 июля (10 августа) или позднее, что хронологически крайне маловероятно. Гораздо более правдо-

⁴⁷ Согласно ст. 1045 Устава уголовного судопроизводства издания 1876 года (Кн. III. Разд. II «О судопроизводстве по государственным преступлениям»), «всякое дознание представляется, по его окончании, прокурором судебной палаты министру юстиции» (см.: Свод законов Российской Империи. СПб., 1876. Т. 15. Ч. 2. С. 147).

⁴⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7810. Л. 8–9. Заключение Г. А. Евреинова находится в составе дела под названием «О сыне майора Николая Сомова», хранящегося в архиве Министерства юстиции (II уголовное отделение. Стол политических дел). Дело Сомова включает в себя различные документы, охватывающие период с 11 (23) июля по 25 сентября (7 октября) 1879 года.

⁴⁹ См.: Там же. Ф. 574. Оп. 7. Д. 544. Л. 22 (аттестат Е. Я. Колбасина).

⁵⁰ Е. Я. Колбасин владел немецким и французским языками и вообще был, по-видимому, полиглотом — в этом убеждает, например, нетривиальная статья «Иеремиады эстетиков и общественный прогресс» (Одесский вестник. 1885. 29 авг. (10 сент.). № 192. С. 2–4), ставшая его лебединою песнью.

⁵¹ Le Courrier du soir. 1879. 10 août. P. 3.

⁵² Journal des débats. 1879. 11 août. P. [2].

⁵³ La Presse. 1879. 14 août. № 245. P. [2].

подобным представляется вывод о том, что уточнение было внесено самим Колбасиным, который должен был отправить Тургеневу в Буживаль готовую корреспонденцию о Сомове не позднее 2 (14) августа.

Всегда «глубоко огорчаясь несправедливостью и грубым насилием»,⁵⁴ Колбасин, разумеется, не мог не откликнуться на доставленное ему «письмо очевидца». Обличительный пафос письма был, по-видимому, полностью созвучен его умонастроениям конца 1870-х годов. Именно в это время, по словам Василия Сухомлина, приемного сына Елисея Яковлевича, в убеждениях Колбасина произошел «решительный поворот»:

«К чести моей матери надо сказать, что она, а под ее влиянием и вотчим, не заостенели в своем предубеждении к молодежи. Решительный поворот в их настроении произошел после появления в „Вестнике Европы“ романа Тургенева „Новь“. Мать была в восторге от этого романа и с тех пор стала горячо защищать молодежь против обычных обвинений в отсутствии у нее идеализма и в других грехах. Затем, после таких событий, как казанская демонстрация и особенно выстрел В. И. Засулич и ее оправдание судом присяжных, не только мать, но и более консервативный вотчим совершенно переменяли фронт. Любимым журналом вместо „Вестника Европы“ стали „Отечественные записки“, при получении которых первыми разрезывались и прочитывались статьи Елисеева, Михайловского и Щедрина. Вотчим стал терять зрение, и читать ему приходилось матери и мне. Я охотно исполнял эту обязанность, так как каждая прочитанная статья служила поводом Колбасину, прекрасному рассказчику, делиться своими воспоминаниями о Тургеневе, Некрасове, Панаеве и других литераторах. Естественно, что, имея таких воспитателей, как мать и вотчим, мне не трудно было с юных лет поставить целью своей жизни борьбу за политическую свободу и социализм».⁵⁵

В начале нашей статьи мы процитировали два письма Тургенева к Колбасину и поставили перед собой вопрос: какую же корреспонденцию передал Тургенев во французские газеты? Из самих писем прямо или косвенно вытекали следующие параметры поиска: 1) искомая корреспонденция должна была быть напечатана либо в «Le XIXe siècle», либо в «Le Voltaire»; 2) она должна так или иначе соотноситься с личностью Е. Я. Колбасина; 3) содержание ее должно быть «ужасно, потрясающе»; и, наконец, 4) корреспонденция должна была появиться в газетах, вышедших после 9 (21) августа 1879 года, в самое скорое время. Произведенные нами разыскания показывают, что только «письмо очевидца» из статьи Сарсе от 15 (27) августа 1879 года непротиворечиво согласуется со всеми заданными параметрами. Именно это письмо оперативно перевел Тургенев и именно его немедленно передал в газету «Le XIXe siècle».

Статья Сарсе, как, по-видимому, и рассчитывал Тургенев, мгновенно произвела ощутимый эффект. Уже 15 (27) июля, в формальный день выхода номера «Le XIXe siècle», сразу несколько парижских газет целиком перепечатали переведенное Тургеневым «письмо очевидца», в ряде случаев сопроводив его примечательными высказываниями.⁵⁶ Характерно, что именно «письмо очевидца» составило львиную долю всех перепечаток; рассуждения же Сарсе о «физиологическом эффекте», помещенные вслед за одесской корреспонденцией, остались почти без внимания.⁵⁷

⁵⁴ Ср.: «Будучи человеком доброго сердца и впечатлительного характера, Елисей Яковлевич умел обласкать и направить всех обращавшихся к нему к плодотворному труду и честной деятельности, глубоко огорчаясь несправедливостью и грубым насилием, не говоря уже о материальной помощи нуждающимся, чем только мог» ([Колбасин Д. Я.?). Елисей Яковлевич Колбасин [Биографический очерк] // Одесский вестник. 1885. 3 (15) нояб. № 244. С. 4).

⁵⁵ Сухомлин Василий Иванович [Автобиография] // Энциклопедический словарь Русского библиографич. института Гранат. М., [1924]. Т. 40. Вып. 7–8. Социализм. Стб. 424.

⁵⁶ Le Constitutionnel. 1879. 27 août. № 239. P. 3; La Liberté. 1879. 27 août. P. 2, и др.

⁵⁷ Были, впрочем, и исключения. См. статьи, в которых размышлениям Сарсе отведено немало места: Boubée S. M. Sarcey juge les martyrs // La Gazette de France. 1879. 27 août. P. 2; Paulon A. M. Sarcey, vous êtes mal informé // Le Tintamarre. 1879. 14 septembre. P. 5.

О том, в каком свете ретранслировалась заметка Сарсе во французской печати, говорят уже самые заголовки некоторых статей — «La Terreur en Russie» («Террор в России»),⁵⁸ «Atrocités de la tyrannie russe» («Зверства русской тирании»)⁵⁹ и т. п. Австрийские издания, наиболее оперативно откликнувшиеся на публикацию из «Le XIXe siècle», представили «письмо очевидца» несколько иначе, а именно в контексте напряженных русско-немецких отношений.⁶⁰ В политизированном контексте выступила чуть позже и германская печать. Например, ведущее берлинское издание «Vossische Zeitung», перепечатавшее перевод из венской «Die Presse» без указания на источник, увидело в истории Сомова «красноречивое известие», свидетельствующее о «бесчеловечном обращении с политическими заключенными в России».⁶¹ Любопытно, однако, что во всей немецкоязычной прессе «французское, слишком французское» рассуждение Сарсе о «физиологическом эффекте» (с мимолетным германофобским выпадом) было полностью проигнорировано.

Стоит особо подчеркнуть, что в русской печати каких-либо откликов на статью Сарсе не выявлено. Трудно сказать, в чем причина такого молчания. Дело, конечно, может объясняться тем, что история с Сомовым уже нашла отражение на страницах отечественной печати и что для русского читателя в изложении Сарсе не содержалось ничего принципиально нового. Не исключено, однако, что молчание было вызвано либеральной направленностью «Le XIXe siècle», материалы которой, в особенности статьи, освещавшие то или иное политическое дело, почти не попадали на страницы русских газет.

Примечательно, что ни в русской, ни в европейской периодике 1879 года мы не найдем ни малейших сведений о самом Сомове. Первоначально о нем говорится как о некоем безымянном «социалисте», и только впоследствии всплывает его фамилия. Кто же этот человек? Как его зовут? Откуда он родом? На все эти вопросы тогдашний читатель не смог бы отыскать и тени ответа. Между тем до нас дошли архивные источники, к которым прежде всего следует отнести дело «О политическом преступнике Н. Сомове, умершем 14/VII с/г в Одесском тюремном замке», хранящееся в архиве секретного стола канцелярии одесского градоначальника.⁶² В настоящее время данное дело для нас недоступно — препятствие, хотя и огорчительное, но все же преодолимое. Принимая во внимание механику ведения и рассмотрения политических дел в 1870-е годы, основные материалы, содержащиеся в том или ином политическом деле локального уровня, должны были быть отражены в документах, поступавших в вышестоящие инстанции. Действительно, в архиве Министерства юстиции, занимавшемся рассмотрением политических дел по существу, хранится дело «О сыне майора Николая Сомова», уже упомянутое нами выше, а также сопутствовавший ему «Справочный листок об обвиняемом в государственном преступлении».⁶³ Сверх того, имеются и секретные документы III отделения собственной е. и. в. канцелярии, в чьем ведении находился политический сыск. Здесь, в бумагах 3-й экспедиции, сохранилось дело «По обвинению дворянина Николая Сомова в государственном преступлении»⁶⁴ и, что са-

⁵⁸ La Lanterne. 1879. 28 août. № 859. P. 2.

⁵⁹ L'Indépendant de la Charente-Inférieure. 1879. 30 août. № 4325. P. 2.

⁶⁰ Die Presse. 1879. 28. August. № 237 (Abendblatt). S. 3 («Wenn die russische Presse nicht im Augenblicke ganz von ihrer Deutschenfresserei in Anspruch genommen wäre, möchten wir sie um ihre Ansicht über ein Dokument bitten, welches Herr Francisque Sarcey im „XIX. Siècle“ veröffentlicht»).

⁶¹ Königlich privilegierte Berlinische Zeitung [= Vossische Zeitung] (Morgen-Ausgabe). 1879. 29. August. № 241. S. 3 («Ebenfalls aus Odessa kommt eine Enthüllung, welche zeigt, wie gerechtfertigt die jüngst im englischen Parlament gegen Rußland erhobene Anklage gewesen ist, daß es seine politischen Gefangenen mit raffinierter Grausamkeit behandle»).

⁶² Государственный архив Одесской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1696. Точное указание на местонахождение этого дела в ГАОО впервые дано в кн.: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. С. 213, прим. 26.

⁶³ См. соответственно: РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7810; Ф. 1405. Оп. 540. Д. 49. Л. 293–293 об.

⁶⁴ См.: ГА РФ. Ф. 109. Оп. 164. 3-я экспедиция. 1879 г. Д. 411.

мое ценное, т. н. «справка III отделения» с персональными данными на Сомова.⁶⁵ Она находится в алфавитном каталоге революционных деятелей 1870-х годов, составленном для внутреннего пользования в Департаменте полиции. Подобные «справки», представляющие собой выписки из дел того или иного лица, подозреваемого в государственном преступлении, до сих пор являются неиссякаемым источником информации для всех историков, изучающих социалистическое движение в России 1870-х годов.

Впервые данные из справки III отделения по делу Сомова были привлечены в конфиденциальном отчете, составленном князем Н. Н. Голицыным по заказу Министерства внутренних дел.⁶⁶ Отчет этот, вышедший ограниченным тиражом в сто экземпляров и предназначенный исключительно для внутреннего пользования, носил по необходимости обзорный характер и был далек от полноты. Более детально сведения из справки III отделения были учтены А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой, составителями словаря «Деятели революционного движения в России».⁶⁷ Ленинградские археографы проделали немалую работу по выявлению архивных и печатных материалов, так или иначе связанных с делом Сомова, однако из-за требований экономии, обычных для словарного жанра, они были вынуждены представить свои разыскания в сильно препарированном виде, с неизбежными пропусками и изъятиями. В полном виде справка III отделения по делу Сомова публикуется впервые:

*«В III Отделение Собственной
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА*

Канцелярии

Июля 24 дня 1879 года

№ 849

Фамилия, имя и отчество. Сомов, Николай Николаев.

Звание, происхождение, народность и вероисповедание. Сын умершего майора, потомственный дворянин Курской губ., Новооскольского уезда, русский. Православного.

Место рождения и место постоянного жительства. Родился в деревне Цепляевой, Новооскольского уезда. Жительство имел в г. Курске, но в мае сего года выехал в Киев, откуда в июле прибыл в Одессу, где и польз<овался> лиманным лечением.

Занятие. Определенных занятий никаких не имел.

Средства к жизни. Жил на средства, получаемые им от матери.

Экономическое положение родителей. Отец умер лет 15 назад, а мать Людмила Павловна Сомова живет в Курске на проценты с небольшого капитала.

Семейное положение заподозренного. Холост.

Место воспитания и на чей счет воспитывался. 10-ти лет поступил в Корочанскую (Курской губ.) прогимназию, где пробыл 3 года, и с переездом его семейства

⁶⁵ См.: Там же. Оп. 230. Справки III отделения. Д. 7803.

⁶⁶ Именно здесь впервые в печати было названо имя Сомова и раскрыты некоторые детали его биографии: «Можно указать еще на один случай, как на факт необычайный, как на отчаянный поступок, характеризующий степень фанатизма, на который были способны революционеры; случай этот имел место в одесской тюрьме. Молодой арестант, Николай Сомов (21 год), дворянин Курской губернии, который упорно отказывался сообщить данные о своей личности, прибег к самоубийству, зажегши на себе одежду; он получил такие ужасные обжоги, что вскоре умер» (впервые: Chronique du mouvement socialiste en Russie 1878–1887 / [Par le Prince N. N. Golitsyne]; Rédigée sous la direction de l'adjoint du Ministre de l'intérieur, le lieutenant-général Schébéko. [St.-Petersbourg], 1890; цит. по: Хроника социалистического движения в России. 1878–1887. Официальный отчет / [Сост. кн. Н. Н. Голицын; под ред. ген.-лейт. Н. И. Шебеко]. М., 1906. С. 97).

⁶⁷ Сомов Николай Николаевич // Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. М., 1932. Т. 2. 1870-е гг. / Сост. А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой. Вып. 4. С–Я. Стб. 1574. Статья о Сомове, несмотря на неполноту и отдельные неточности (так, здесь указано, что Сомов родился в «дер. Ципляской», хотя деревни с таким названием никогда не существовало), сохраняет, тем не менее, свою справочную ценность и по сей день.

в Курск поступил в гимназию, где пробыл 3 года и вышел в 1873 году, воспитывался на счет матери.

Причины неокончания курса в случае выхода из заведения с указанием и самого заведения. Из Курской классической гимназии вышел по болезни — по случаю сильных приливов к голове и по малокровию.

Был ли за границу, где и когда именно. Не был.

Привлекался ли ранее к дознаниям, каким и чем они окончены. В Киеве содержался по какому-то политическому делу под арестом при полиции 1 ½ недели в мае сего года и, по допросе его в Жандармском управлении, был освобожден.

В чем обвиняется, заподозрен или уличен. В преступлении, предусмотренном 252 ст. Улож⁶⁸ения> о наказ⁶⁹аниях>.

Принятая мера пресечения. 11-го сего июля был заключен в Одесский тюремный замок, а 14 числа умер в оном от причиненных им себе сильных ожогов.

Подпись: Помощник начальника Одесского жандармского управления штабс-капитан Иванов.

<Рукой Иванова на полях:>

Примечание: Ведомость эта составлена со слов сестры Сомова, так как сам Сомов отказался дать какое-либо показание».⁶⁸

Сведения об отце Сомова, приведенные выше, крайне скудны и могут быть дополнены по другим источникам. Так, из материалов, хранящихся в РГВИА, следует, что Николай Никанорович Сомов (1802 — после 1863) некогда служил в Финляндском драгунском полку.⁶⁹ Когда Н. Н. Сомов-старший получил звание майора — доподлинно неизвестно. В открытых источниках начала 1860-х он уже значится как «майор».⁷⁰ В конце 1850-х — начале 1860-х годов майор Сомов владел небольшим имением в селе Цепляево Новооскольского уезда Курской губернии (за ним здесь числилось 22 души).⁷¹ Там же, в селе Цепляево (нынешнее название — Первое Цепляево Шебекинского района Белгородской области), в 1858 или 1859 году родился у него единственный сын — Николай. Какие-либо сведения о сестрах Сомова,⁷² а также о его матери, Людмиле Павловне Сомовой, отыскать не удалось.

Даже имея на руках все архивные материалы по делу Сомова, все равно приходится признать, что мы не в силах твердо ответить на ряд вопросов: был ли Сомов психически здоров или ненормален? состоял ли он в рядах социалистов или действовал в одиночку, по собственной воле? что именно выкрикивал Сомов и чего хотел добиться? как случилось самосожжение? Данные, имеющиеся на этот счет как в печатных, так и в архивных источниках, крайне противоречивы.

Версия о возможном помешательстве Сомова, представленная в целом ряде правительственных изданий, вызвала предсказуемое недоверие среди людей, обычно-

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 230. Д. 7803. Л. 1.

⁶⁹ «Формулярный список Финляндского драгунского полка о службе и достоинстве поручиков» от 1 января 1826 года содержит в себе следующие данные: «Николай Никаноров сын Сомов — из дворян Курской губернии. Российской грамоте читать и писать умеет и арифметику знает. Юнкер — 1820 сентября 10. Прапорщик — 1821 июня 28. Поручик — 1824 марта 21» (РГВИА. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 144. Л. 6 об. — 7).

⁷⁰ См.: Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости (за 1857, 1858, 1859 и 1860 годы). СПб., 1862. Т. 1. С. 261.

⁷¹ См.: Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. Вып. 1. С. 168. В Государственном архиве Курской области (Ф. 68. Оп. 1. № 614) имеется «Дело по прошению новооскольского помещика майора Н. Н. Сомова о причислении его к мелкопоместным» за 11 января — 16 марта 1862 года. За сведения из ГАКО и РГВИА сердечно благодарим М. Г. Сомова, составителя генеалогической таблицы рода Сомовых.

⁷² В «Справочном листке об обвиняемом в государственном преступлении», заведенном на Сомова в Министерстве юстиции, значится, что он «имеет мать и пятерых сестер»; здесь же, в графе «Возраст (в какое время)» указано: «20 лет (в июле 1879)» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 540. Д. 49. Л. 293).

венно склонных принимать в штыки любое официальное сообщение. Недоверие это нашло отражение и у Сарсе, во вступительной части к «письму очевидца». Необходимо, впрочем, заметить, что указанная версия могла бы действительно показаться сомнительной, если бы не шифрованная телеграмма от 11 (23) июля 1879 года, посланная в Министерство юстиции прокурором Одесской судебной палаты: «Вчера вечером на гулянье некий Сомов, по-видимому помешанный, обращался к публике с бессвязными революционными воззваниями». ⁷³ Можно, конечно, предположить, что версия о безумии Сомова была сфабрикована в прокурорской среде задним числом только затем, чтобы покрыть зверства тюремщиков, однако предположение это опровергается одним единственным фактом: телеграмма Г. А. Евреинова была отправлена тотчас после ареста Сомова, за несколько дней до трагедии. Примечательно, что идентичной была и оценка самого Александра II, узнавшего о задержании Сомова из шифрованной депеши начальника Одесского жандармского управления К. Г. Кнопа на имя А. Р. Дрентельна от 11 (23) июля 1879 года: «Приезжий из Курска Николай Сомов вечером на гулянье кричал, что нет у нас Царя, что истина восторжествует; арестован, отказывается от показаний, от пищи, дерзок, — дознание начато». Ознакомившись с донесением Кнопа, император оставил на нем следующую запись: «не сумасшедший ли он?». ⁷⁴

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о том, действительно ли Сомов являлся «социалистом» или радикалом, как его пытались представить и в русской, и в иностранной прессе. Документы Министерства юстиции, как и материалы III отделения, однозначного ответа на этот вопрос не дают. Не дает его и радикальная печать, от которой можно было бы ожидать неподцензурного освещения интересующих нас событий.

Так, жевевские социалисты на страницах газеты «Le Révolté» от 11 (23) августа 1879 года поместили собственный отчет об одесском инциденте. Любопытно, что Сомов фигурирует в нем как «молодой социалист» («jeune socialiste»). Определение это, надо полагать, было почерпнуто из русских газет. Прочие подробности, представленные в жевевском листке, также находятся в созвучии с сообщениями из русской прессы. Между тем примечателен финальный пассаж, оставленный анонимным корреспондентом «Le Révolté»: «Некоторые журналисты пытаются представить дело так, будто Сомов был сумасшедшим: они не говорят об этом прямо, как об установленном факте, но всячески намекают на это. Мы же, со своей стороны, полагаем, что для Сомова, с которым обращались хуже, чем с собакой; затравленного тюремщиками до полного иступления; избитого до потери сознания; связанного по рукам и ногам; принужденного под влиянием физического воздействия подчиниться диктату столь ненавидимой им власти; для Сомова, повторяем, это ужасное самоубийство было единственным способом отомстить своим палачам и рассказать всему миру, что такое русская тюрьма. Врачи, проводившие вскрытие Сомова, подтверждают, что мозг его найден совершенно в нормальном здоровом состоянии». ⁷⁵

Случай с самосожжением Сомова был также подробно изложен в первом номере «Народной воли», вышедшем 1 (13) октября 1879 года. Предложенная в этом издании версия не слишком расходится с официальной и в значительной мере близка к изложенной в «письме очевидца», хотя и сообщает ряд новых подробностей: например, здесь упоминается о том, что Сомов прибыл в Одессу из Курска (сведения эти могли

⁷³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7810. Л. 1.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 164. 3-я экспедиция. 1879 г. Д. 411. Л. 1.

⁷⁵ Ср.: «Certains journalistes cherchent à faire croire que Somoff était fou: ils hésitent de l'affirmer, ils l'insinuent. Quant à nous, nous comprenons que pour Somoff, maltraité pire qu'un chien, assommé par les gardiens furieux, garroté, réduit par la force physique à subir le pouvoir de ces institutions qu'ils haïssait de toutes ses forces, cet horrible suicide fut l'unique moyen de se venger de ses bourreaux et de dire au monde entier ce que c'est qu'une prison russe. L'autopsie et l'enquête médicale confirment que l'état du cerveau de Somoff était parfaitement sain» (Le Révolté. 1879. 23 août. № 14. P. 4).

быть получены только из кулуарных источников). Однако при этом Сомов не называется ни социалистом, ни революционером и вообще не квалифицируется как член того или иного радикального движения: «Вот еще факт, вполне дорисовывающий картину. Некто Сомов, недавно приехавший из Курска в Одессу, подвергся почему-то самому докучливому полицейскому надзору: шпионы буквально ходили за ним по пятам; и вот, однажды, когда он гулял по Приморскому бульвару, где по вечерам обыкновенно так много народу, что в толпе очень легко скрыться, шпионы, боясь потерять его, кликнули жандармов и велели арестовать его. Жандармы предложили Сомову следовать за ними, но тот отказался идти добровольно и, возмущенный подобной наглостью, обратился к публике с речью, в которой указывал ей на безвыходность положения всякого русского гражданина при современной разнузданности полицейских властей. Едва он успел сказать это, как на него накинулись жандармы и, осыпая всевозможными оскорблениями, потащили с собой; когда наконец он был привезен в тюремный замок, то тело его было покрыто синяками, а одежда буквально изорвана в клочки; там, избитого, полуживого, втокнули его в грязную коморку, где не было даже тюфяка, чтобы лечь. Нервное потрясение, испытанное им после всех перенесенных оскорблений, было так сильно, что он в ту же ночь решил покончить с жизнью. Не имея под рукой никаких более удобных средств к исполнению своего намерения, он сжег себя при помощи тюремной керосиновой лампы».⁷⁶

В той же народовольческой среде циркулировали и альтернативные точки зрения на причину смерти Сомова. Отдельно стоит упомянуть недатированное письмо В. С. Ефремова (1854–1915), арестованного за попытку освобождения из Харьковской тюрьмы Медведева (Фомина). Осенью 1879 года, по пути на каторгу, он сообщал своим товарищам: «...в Одессе во время гулянья из толпы выступил молодой человек (Сомов) и произнес собравшейся толпе речь, где порицает действия правительства. Его арестуют, сядят, угощают прикладами и избивают до смерти, а чтобы скрыть, распускают слух, что он сжег себя, обливши себя керосином и зажегши. В подтверждение отбирают спички от тюремщиков. Но это, как передают одесситы, ложь: в продолжение 4-х дней были слышны из камеры Сомова крики: „О мать моя!“ Этого Сомова никто из радикалов не знал; очевидно — это самород, выработанный последними событиями. Дай Бог больше Сомовых, но без их конца!»⁷⁷

Письмо Ефремова представляет особый интерес сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, из него опять-таки следует, что в радикальных кругах никто о Сомове не знал. Во-вторых, бросается в глаза принципиально иная версия обстоятельств его кончины. Эти сведения, будто бы записанные со слов неназванных «одесситов», уникальны по своему содержанию, однако их уникальность не поддерживается никакими документальными источниками.⁷⁸ Тем не менее данная версия нашла отражение в из-

⁷⁶ Народная воля. 1879. 1 окт. № 1. Цит. по: Литература социально-революционной партии «Народной воли». [Paris], 1905. С. 56–57.

⁷⁷ Архив «Земли и воли» и «Народной воли» / Подг. к печати и снабдили прим. В. Р. Лейкина и Н. Л. Пивоварская. М., [1932]. С. 285. Все даты по делу Сомова, приведенные в именном указателе к этому изданию, неверны (см.: Там же. С. 437).

⁷⁸ В секретном представлении прокурора Одесской судебной палаты Г. А. Евреинова на имя министра юстиции Д. Н. Набокова от 22 июля 1879 года особо подчеркивалось, что к смерти арестованного Сомова привело преступное бездействие тюремного начальства, а не те или иные противоправные действия с его стороны: «В дополнение к представлению от 12 сего июля за № 357, имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что заключенный в Одесский тюремный замок Николай Сомов 12 числа сего же июля месяца произвел в камере беспорядок, разделся донага, кричал солдатам, чтобы его убили за свободу и истину. Вследствие этого тюремное начальство распорядилось его связать и положить на тюфяк, а около него была поставлена керосиновая лампа. / Несмотря на очевидные признаки расстройства, Сомов был оставлен без надлежащего присмотра, последствием чего было, что он зубами снял стекло от лампы и зажег на себе белье. В камеру его вошли только тогда, когда из нее стал распространяться сильный запах гари по коридору, при чем нашли Сомова сильно обгоревшим. От последствий этих обжогов Сомов умер. / Донося о вышеизложенном Вашему Высокопревосходительству, имею честь присовокупить, что о неправильных в данном случае распоряжениях и преступном бездействии власти тюремного начальства, имевших столь печальные послед-

вестной хронике В. Л. Бурцева (без ссылок на источники и, вероятнее всего, на основании письма Ефремова),⁷⁹ откуда впоследствии перекопировала в словарь «Деятели революционного движения в России».

Противоречивость ходивших в одесском обществе слухов об истинной причине смерти Сомова зафиксировал и специальный корреспондент газеты «Голос», отметивший в обобщающей заметке от 2 (14) августа, что «самоожжение Сомова возбудило в городе различные толки; вариации слухов на эту тему чрезвычайно различны». Дав наиболее подробное, подневное изложение хода событий, он подчеркнул, что обстоятельства самоожжения остаются не до конца проясненными, поскольку «точных данных нет и не может быть», и вынужденно констатировал: «Этот чрезвычайный случай замечательного самоубийства так и канет в вечность без достаточного освещения».

Возвращаясь к Тургеневу и его роли в представленной истории по делу Сомова, необходимо заключить, что обнаруженная нами публикация в газете «Le XIXe siècle», содержащая в себе неизвестный ранее перевод Тургенева, не только позволяет реконструировать новый эпизод в биографии писателя, но и реанимирует ряд тем, утративших свой прежний статус из-за смены идеологических вех, например, «Тургенев и радикальная молодежь 1870-х годов».⁸⁰

И в делах, уже хорошо известных, и в новонайденном деле Сомова, Тургенев предстает перед нами человеком, всегда готовым вскрыть очередной симптом «того невозможного, небывалого состояния, в котором находится теперь Россия». Нет нужды при этом говорить, что Тургенев, содействуя появлению той или иной «симптоматической» публикации, никогда не выпячивал свое имя и никогда не искал себе славы записного обличителя. Случай с Сомовым — яркое тому доказательство.

История с французской газетой также невольно подводит нас к вопросу: а все ли мы знаем об анонимном и скрытом участии Тургенева в иностранной печати? Возможны ли еще неизвестные эпизоды, подобные приведенному выше? Работа над очередными томами Писем для второго академического издания, которая идет полным ходом и еще не завершена⁸¹ (новые письма писателя появляются на зарубежных и отечественных аукционах ежегодно!), показывает, что не только введение в академический оборот ранее неизвестной корреспонденции, но и ревизия уже введенных в оборот писем — все это, вне всякого сомнения, даст нам еще немало «неизвестного Тургенева».

В помещаемое ниже приложение включены основные публикации по делу Н. Н. Сомова, выявленные в русской печати за июль–август 1879 года. Все материалы републикуются впервые.⁸²

ствия, мною сообщено на распоряжение одесского градоначальника» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7810. Л. 4–4 об.).

⁷⁹ За сто лет (1800–1896): Сб. по истории политических и общественных движений в России: В 2 ч. / Сост. Вл. Бурцев. London, 1897. Ч. 2. С. 102 («...27 июля † (так! — В. Л., В. С.) в одесской тюрьме Сомов (сжег себя, по другим сведениям, после побоев тюремная администрация сожгла его)»).

⁸⁰ О намерении Тургенева окончательно вернуться в Россию и включиться в политическую жизнь страны, возникшем у писателя в первой половине 1879 года после интенсивного общения в Москве и Петербурге с революционно настроенной молодежью, см.: Генералова Н. П. Невероятное путешествие И. С. Тургенева в Петербург и Москву (февраль–март 1879 года) // Русская литература. 2018. № 3. С. 76–96.

⁸¹ Так, только в состав подготавливаемой ныне первой книги семнадцатого тома, которая охватывает всего год — с 1 (13) июля 1879 по 30 июня (12 июля) 1880 года, включаются свыше семидесяти новых писем к тридцати различным адресатам.

⁸² Приносим глубокую благодарность И. А. Кузьминой за помощь в разыскании материалов, помещенных на страницах газет «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости», «Новое время», «Молва».

Русская печать о «деле Сомова»

1

Обманутые надежды социалиста. Во вторник¹ на бульваре, во время гулянья публики (играла музыка) арестовали одного господина, который сначала прокричал какие-то безобразно-нелепые слова, а потом, когда был задержан, стал вопить, чтобы публика его спасла, заступилась за него: «Не давайте меня, русский народ, арестовать, заступитесь, меня ведут на эшафот, не я первый и не последний», и т. п. речи произносил арестованный субъект и в ответ на все это получил полнейшее доказательство несочувствия публики. Не только никто ни единым словом не вмешался в распоряжение администрации об арестовании, напротив, одни помогали арестованного усадить на дрожки, другие кричали: «Поделом, сумасшедший», и т. п. Да когда же образумятся эти несчастные подонки общества и убедятся в том, что им никто из общества не сочувствует и что они представляют жалкое исключение?

Новороссийский телеграф. 1879. 12 (24) июля. № 1303. С. 2. Перепеч.: 1) Правда (Одесса). 1879. 13 (25) июля. № 153. С. 2; 2) Московские ведомости. 1879. 18 (30) июля. № 183. С. 3 (в сокращении); 3) Новое время. 1879. 19 (31) июля. № 1216. С. 4 (контаминация с заметкой «Новороссийского телеграфа» от 15 (27) июля).

¹ Т. е. 10 июля.

2

Смерть социалиста. Как нам сообщают, молодой человек, который был арестован полицией во вторник,¹ на бульваре (во время гулянья публики), где он прокричал какие-то безобразно-нелепые слова, во все время своего нахождения в одесском тюремном замке морил себя голодом, пытался сжечь себя и вообще замечалось у него умопомешательство. Вчера, в субботу,² утром, он, наконец, умер.

Новороссийский телеграф. 1879. 15 (27) июля. № 1306. С. 2. Перепеч.: 1) Новое время. 1879. 19 (31) июля. № 1216. С. 4 (контаминация с заметкой «Новороссийского телеграфа» от 12 (24) июля); 2) Русские ведомости. 1879. 19 (31) июля. № 181. С. 1 (с изменениями: выкрики Сомова приведены по заметке из «Голоса» от 16 (28) июля).

¹ Т. е. 10 июля.

² 14 июля.

3

Одесса, 11-го июля (корреспонденция «Голоса»). — Вчера, 10-го июля, в 8 ½ часов вечера, на Николаевском Приморском бульваре, когда, по обыкновению, играла музыка, из толпы народа возле беседки, где играют музыканты, взвизывает наверх шапка, потом легит туда же и пальто и какой-то молодой человек, лет 20-ти, начинает что-то громко провозглашать. Вся публика обратила на него внимание, но в тот же момент полицейские тащили его уже на дрожки, конечно, для отправки в полицию. Хотя я был всего на расстоянии десяти шагов от места происшествия, но до моего слуха долетали только отрывочные фразы: «Во имя свободы!.. истина восторжествует... я пропал... я мученик... прощайте!» Хотя от момента взятия молодого оратора, очевидно, или больного, или слишком нафанатизованного, до отправления его в полицию прошло не более трех минут, но вся площадь перед памятником герцога Ришельё была запружена публикой, которая потом так же скоро и спокойно разошлась гулять по бульвару.

Голос. 1879. 16 (28) июля. № 195. С. 3. Перепеч.: 1) С.-Петербургские ведомости. 1879. 17 (29) июля. № 194. С. 2 (со следующей подводкой: «Заразительны и душевные эпидемии, и ничего не было бы удивительного, если бы в числе наших революционных сумасбродов оказались простые маньяки. По-видимому, один из таковых попался в Одессе»); 2) Русские ведомости. 1879. 18 (30) июля. № 180. С. 1.

4

Причины смерти социалиста Сомова, о котором мы недавно сообщали. В воскресенье,¹ утром, в одесском тюремном замке, в присутствии и. д. прокурора одесского окружного суда и и. д. одесского полицеймейстера, было произведено врачами Бернштейном, Генрихсеном, Розеном и Циммерманом 2-м вскрытие трупа Сомова с целью определения причин смерти, которая, как оказалось, произошла от полученных им ожогов. Ожоги эти произведены следующим образом: вечером, после поверки, когда камеры были заперты, дежурный ключник услышал запах дыму из камеры Сомова. Поднялась тревога и когда вошли в камеру, то застали Сомова сидящим над фотоженовою лампою, обжигающего себя. До чего ожоги были сильны, достаточно указать, что кисти рук совершенно обуглились, так что на пальцах обнажены кости; верхние части ягодиц и спина, почти до шеи, тоже совершенно обуглились. Во все время этой операции, ни после таковой в больнице, Сомов ни единым звуком не обнаружил физических страданий. Очевидно, что такие действия положительно могут изобличать ненормальное состояние умственных способностей. Тем не менее вскрывавшие врачи единогласно пришли к заключению, что вскрытием не обнаружено таких патологических изменений, которые бы указывали на ненормальное состояние умственных способностей Сомова. Что же это такое? Неужели достигший высшего развития фанатизм?

Новороссийский телеграф. 1879. 19 (31) июля. № 1309. С. 1. Перепеч.: 1) Правда (Одесса). 1879. 20 июля (1 авг.). № 159. С. 2; 2) Одесский листок объявлений. 1879. 20 июля (1 авг.). № 158. С. 1; 3) Одесский вестник. 1879. 21 июля (2 авг.). № 160. С. 2. Нем. пер.: Neue Freie Presse. 1879. (25. Juli) 6. August. № 5368 (Abendblatt). S. 2.

¹ Т. е. 15 июля.

5

Нам сообщают из **Одессы**: «12-го июля в здешнем тюремном замке один из арестантов секретной камеры, задержанный 9-го июля на бульваре за произнесение неприличных слов, снял со стены петролеумовую лампу и, воспламенив находившийся в ней керосин, сел на этот импровизированный костер для того, чтоб сжечь себя. Хотя покушение это было вовремя усмотрено, тем не менее, сумасшедший частью успел исполнить свое намерение: руки и еще некоторые другие части тела совершенно обгорели; надежды на его выздоровление нет. Говорят, что как во время задержания этого человека на бульваре, так и после того, он держал себя так, что давал основание предполагать в нем сумасшедшего. Его поместили в тюремный замок временно, до освидетельствования его надлежащим порядком. Несчастный умер на другой день, в семь часов утра, в страшных мучениях, прожив после учиненного им над самим собою аутодафе тридцать часов. Фамилия его Сомов; ему лет двадцать от роду».

Голос. 1879. 19 (31) июля. № 198. С. 3.

6

Нам пишут из **Одессы**: «10-го июля на Николаевском бульваре, во время гулянья публики, арестовали одного господина, который сначала прокричал какие-то

безобразно-нелепые слова, а потом, когда был задержан, стал вопить, чтобы публика его спасла, заступилась за него. Он был немедленно арестован и помещен в тюремный замок, в одиночную камеру впредь до освидетельствования его умственных способностей, о нормальности которых возбуждено сомнение со стороны прокурорской власти. Но несчастный заключенный (по фамилии Сомов) решился лучше покончить с собой и, за неимением под рукой какого-либо орудия, подвергнул себя ужасной смерти — самосожжению. С этой целью в ночь на 12-е июля он снял со стены камеры горевшую лампу и, воспламенив в ней керосин, сел на импровизированный костер, от которого получил столь сильные ожоги, что на другой день утром умер в страшных мучениях».

Русская правда. 1879. 19 (31) июля. № 78. С. 3. Перепеч.: Московские ведомости. 1879. 22 июля (3 авг.). № 187. С. 2 (в сокращении).

7

Из Одессы. 12 июля. Еще одна жертва социалистов! Третьего дня, на бульваре, при многолюдном стечении публики, какой-то прибывший из Херсона юноша, лет 17, начал кричать нигилистические нелепости. Глупца арестовали; он бранил всех, кричал и на допросе старался доказать, что выходка его не есть продукт психически расстроенных мозгов, а сознательно додуманная им мысль.

Радуйтесь, убийцы и поджигатели! Празднуйте и торжествуйте! Еще одна молодость загублена вами, еще одна семья повержена в скорбь.

Московские ведомости. 1879. 19 (31) июля. № 184. С. 3 (подп.: «З. О.»).

8

Из Одессы, 15-го июля (От нашего корреспондента).

Вы, вероятно, знаете уже о странном происшествии, случившемся у нас на днях на бульваре. Какой-то молодой человек, остановившись перед павильоном, в котором играл хор военных музыкантов, обратился с речью к толпе, собравшейся послушать музыку. Хотя громкие звуки труб заглушали слова оратора, но из отрывочных фраз можно было заключить, что у говорившего «не все в порядке». Когда он стал бросать вверх свою шляпу и пальто и кричать: «Да здравствует революция! долой тиранов!», то на него кинулись полицейские, зажали ему рот и немедленно увезли. Арестованный оказался Сомовым. Несмотря на все признаки острого помешательства, его отвезли в тюрьму и посадили в отдельную камеру. Дождавшись ухода сторожей и смотрителей, Сомов сделал попытку лишить себя жизни. Хотя у него и были связаны руки, но он умудрился вскарабкаться на столик и затем снять зубами раскаленное стекло с керосиновой лампы. Увеличив огонь в горелке также посредством зубов, Сомов приблизил к разгоревшемуся пламени свою спину и стал ее жечь. Долго ли продолжалась эта ужасная операция самоизжарения — не знаю; но когда привлеченные запахом гари сторожа вбежали в камеру, они нашли Сомова с такими сильными ожогами, что не было надежды спасти его жизнь.

Вчера, поутру, Сомов умер в городской больнице в страшных мучениях.

Русские ведомости. 1879. 21 июля (2 авг.). № 183. С. 3. Перепеч.: Новое время. 1879. 23 июля (4 авг.). № 1220. С. 3 (в сокращении). Нем. пер.: Die Presse. 1879. (25. Juli) 6. August. № 215 (Abendblatt). S. 3.

9

Нам пишут из **Одессы**: «Сообщаю подробности о случае самосожжения политического заключенного Сомова, о котором я вам уже писал. Сомов, будучи посажен в одиночную камеру одесского тюремного замка, вел себя крайне беспокойно, кричал, стучал ногами, вследствие чего смотритель тюрьмы приказал его связать. В таком положении Сомов оставался и вечером. В припадке ли умопомешательства или просто под сильным давлением непреодолимого желания прекратить чашу страданий, выпавших на его долю, Сомов решился на самоубийство, — неизвестно; до этого он морил себя голодом, отказываясь принимать какую бы то ни было пищу. Самый акт самосожжения произошел несколько иначе, чем я вам сообщил. Связанный по рукам, Сомов не мог снять лампы и разлить керосин на полу, а умудрился сперва снять зубами разгоряченное ламповое стекло и потом стал в такое положение, чтобы пламя лампы зажгло край его платья. Когда это было достигнуто, Сомов лег на койку, на которой лежал тюфяк, набитый соломой. Огонь от края одежды постепенно охватил всего Сомова, а также занял солому. Вся камера наполнилась дымом, пробившимся через щели двери в коридор, что и привлекло внимание часового, давшего немедленно знать о случившемся. Когда отворили камеру, заключенный весь почти горел. Немедленно были приняты меры к прекращению действия огня. Глазам присутствовавших представилось обуглившееся совершенно тело, подающее слабые признаки жизни. Принятые медицинские меры ни к чему не повели, обнаружив лишь изумительную выносливость самоубийцы, который во время перевязки наиболее поврежденных частей тела, несмотря на страшную физическую боль, не издал ни одного стоны, ни одного звука, хотя и отвечал на предложенные ему вопросы. В таком состоянии он прожил целые сутки».

Русская правда. 1879. 22 июля (3 авг.). № 81. С. 3. Перепеч.: 1) Молва. 1879. 23 июля (4 авг.). № 200. С. 2; 2) С.-Петербургские ведомости. 1879. 23 июля (4 авг.). № 200. С. 2; 3) Голос. 1879. 24 июля (5 авг.). № 203. С. 2. Нем. пер.: Kölnische Zeitung. 1879. (27. Juli) 8. August. № 218 (Zweites Blatt). [S. 2].

10

Из Одессы. 18 июля. Молодой человек, о котором писал я в прошлом письме моем, арестованный на бульваре за произнесение возмутительных слов, — сын богатого курского помещика Сомова. В настоящее время он уже умер. В тюремном замке Сомов не хотел отвечать ни на какие вопросы, не хотел принимать пищи, и в конце концов ночью облил себя керосином из лампы и, так сказать, сжег сам себя живого. Что это, бешенство? помешательство? или дикий фанатизм?

Московские ведомости. 1879. 27 июля (8 авг.). № 192. С. 4 (подп.: «Z. O.»).

11

Одесса, 28-го июля (корреспонденция «Голоса»).

<...> Самосожжение Сомова возбудило в городе различные толки; вариации слухов на эту тему чрезвычайно различны. Это заставляет меня выяснить подробно и точно обстоятельства, сопровождавшие такой неслыханный факт.

Сомова, как известно читателям, арестовали на Приморском бульваре, вечером, 9-го июля. На бульваре он произносил какие-то восклицания, в полиции вел себя еще страннее, повторяя, что истина восторжествует, и угрожая, что всех истребят. Потом, в тот же вечер, Сомов заявил исправляющему должность полицмейстера, Лохвицкому, что более не будет отвечать, а также пищи не будет принимать. Он это и исполнил.

11-го июля Сомов был переведен из полиции в тюремный замок, где тотчас стал пропагандировать, по-прежнему, обращаясь к ключникам и солдатам.

12-го июля, пред вечернею проверкою, Сомов сделался особенно беспокоен, порывался выбежать из камеры, требовал, чтоб часовые его убили, душил ключника, разделся совершенно. Смотритель тюрьмы приказал связать его по рукам и ногам его же бельем и положить на тюфяк. Потом камера была заперта и на полу ее оставлена керосиновая лампа.

Между семью и восемью часами вечера того дня заметили в камере дым. Отворили камеру и застали Сомова обгоревшим. На руках, спине и ягодицах оказались смертельные ожоги.

Сомов, не принимавший никакой пищи со времени своего ареста, как видно по последствиям, твердо решился покончить с собою. Выпутавшись из связывавших его кальсонов, он дошел до лампы, сдвинул ламповое стекло и сидя или стоя произвел самосожжение. Так можно заключить по некоторым данным, хотя точных данных нет и не может быть. Никто не видал этого акта самоистязания, никто не слышал ни одного звука стоны от боли. Сомова немедленно перевели в тюремную больницу, где он и умер 14-го июля.

Отсутствие достаточного наблюдения за ним в то время, когда он был связан, и присутствие в камере керосиновой лампы были ближайшими пособниками чело-веку, решившемуся во что бы ни стало убить себя. Но эта чрезвычайная сила воли, не остановившаяся пред выбором самого мучительного рода смерти, эта сила воли у чело-века 22-х лет, всего более изумительна тем, что он не был ни больным, ни сумасшед-шим. По крайней мере, медицинский акт вскрытия трупа констатирует такой факт. Мозг исследованного четырьмя врачами субъекта найден совершенно в нормальном здоровом состоянии, и вскрытие трупа не обнаружило никаких изменений, которые давали бы повод заключить о существовании какой-нибудь болезни.

Этот чрезвычайный случай замечательного самоубийства так и канет в вечность без достаточного освещения. Вместо ключника, при буяне-арестанте, каким он, конеч-но, представлялся тюремному начальству, и притом ключника, не пожелавшего даже находиться при нем для наблюдения, несмотря на приказание, нужны были психиат-ры и представители науки о нервной системе, чтоб точно определить степень развития крайней возбужденности, степень крайнего развития отправления нервной системы, взявшего верх над всеми другими отправлениями.

В печати нашей уже прорывались мнения о болезни нашего века — крайней на-пряженности и возбужденности нервной системы, имеющей первым осязательным последствием чрезвычайное увеличение числа самоубийств, как это утверждают ста-тистические данные, независимо от многих других уклонений, которые, хотя в лето-писи не всегда заносятся, но — на глазах у каждого, кто задает себе труд наблюдать за нынешними явлениями жизни, сопоставлять их, приводить в систему и пр.

Случай с Сомовым послужил поводом к распоряжению, чтоб впредь во всех ка-мерах одесского тюремного замка, взамен внутреннего освещения, было введено на-ружное.